

Ассоциация содействия изучению и популяризации
истории и социально-гуманитарных наук
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПЕРЕСВЕТ»

СЛОВО И ТЕКСТ

**Вопросы филологии,
лингвистики и литературы**

Сборник научных статей

Ассоциация
«Научно-исследовательский центр «ПЕРЕСВЕТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 81
ББК 75
С 97

Рецензенты:

Иващенко Я.С. – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой управления образованием Новосибирского государственного педагогического университета.

Породин И.В. – кандидат филологических наук, доцент, г. Санкт-Петербург.

Редакционная коллегия:

Архипова О.В. – доктор философских наук, профессор, г. Санкт-Петербург.

Еременко Е.Д. – кандидат культурологии, доцент, г. Санкт-Петербург.

Климин А.И. – кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург (научный редактор).

Слово и текст. Вопросы филологии, лингвистики и литературы: Сборник научных статей / под редакцией А. И. Климина и других; Ассоциация «НИЦ «Пересвет». – СПб.: Ассоциация «НИЦ «Пересвет»; «Фора-принт», 2020. – 114 с.

ISBN 978-5-9031-89-47-6

DOI: 10.46987/1222122020

Сборник научных статей посвящен актуальным направлениям исследований в области филологии, лингвистики и литературоведения.

Сборник адресован преподавателям, научным работникам, студентам, аспирантам, всем, кому небезразличны вопросы изучения языка и литературы.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9031-89-47-6

© Авторы статей, 2020

© Ассоциация «НИЦ «Пересвет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Алиева Н. Р.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЭМОТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Ф. ЛАРКИНА).....	6
<i>Емельянов И. С.</i> ЯКУТСКАЯ ТЕМА В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ.....	15
<i>Ермохина Ю. В.</i> ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ.....	22
<i>Кириллов Ф. П.</i> СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ.....	27
<i>Кондратова Т. И., Алешкина Ю. В.</i> ЗАГАДКИ ИСТОРИИ КНИГИ ЦЯНЬ ЧЖУНШУ «ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ».....	37
<i>Кондратова Т. И., Латария Т. В.</i> ПОВЕСТЬ ЛАО ШЭ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЯО ПО»: МЕСТО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ КИТАЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48
<i>Куликова Д. М.</i> ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ Н. ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ».....	58

<i>Мальшикин К. Ю.</i> ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ОДНОГО ИЗ АСПЕКТОВ АСИММЕТРИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ЛЮБОВЬ»).....	65
<i>Медведенко А. А.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ ЧЕРЕЗ РЕЧЕВУЮ АГРЕССИЮ.....	73
<i>Новиков А. В.</i> «ФАМИЛЬЯР» МАРКА Z. ДАНИЛЕВСКОГО – МЕГАТЕКСТУАЛЬНОЕ ТЕЛЕШОУ.....	80
<i>Савельева А. В.</i> ПЕСНЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА).....	87
<i>Садыкова Г. З.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ.....	93
<i>Тарабрина М. Ю.</i> ИНАУГУРАЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	99
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	108
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	110

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается первый тематический сборник, подготовленный Ассоциацией «Пересвет», который посвящен актуальным направлениям исследований в области филологии, лингвистики и литературы.

В материалах сборника рассматриваются вопросы перевода с английского языка на русский, предложения по совершенствованию методики преподавания русского языка как иностранного, подчеркивается значимость языка в формировании культурной картины мира и в развитии межкультурного взаимодействия.

Отдельный блок статей посвящен вопросам литературы, начиная с истории (отражение национальной тематики в русской народнической литературе XIX – начала XX веков, китайская проза XX века и становление детской литературы в Китае) и заканчивая современным состоянием и актуальными тенденциями литературного творчества (вопросы интертекстуальности в романе Нила Геймана, изучение современных авторских техник и феномена мегатекстуальной литературы на примере произведений Марка З. Данилевского).

Обстоятельно рассматриваются столь актуальные в настоящее время вопросы языковой коммуникации, прежде всего коммуникации политической. Это, прежде всего, стратегии убеждения и речевого воздействия в политическом дискурсе (на примере речей британских премьер-министров – от Уинстона Черчилля до Бориса Джонсона), лексические средства манипуляции, выражаемые через речевую агрессию (на примере предвыборных дебатов в рамках недавней президентской кампании в Соединенных Штатах).

Авторами статей выступают не только преподаватели и научные сотрудники, но также молодые исследователи – студенты и аспиранты. Хотелось бы выразить надежду, что обращение к актуальным темам в области исследований как устного, так и письменного слова будет продолжено и в следующих выпусках данного сборника!

Редакционная коллегия

УДК 81

Н. Р. Алиева

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ЭМОТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(на примере стихотворений Ф. Ларкина)**

Научный руководитель:

Анискина Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент

Тольяттинского государственного университета

Аннотация. В статье рассматривается понятие эмотивности в современной лингвистике и описываются средства ее создания в художественных текстах. Проводится анализ лексико-семантических особенностей и способов создания эмотивности в произведениях Ф. Ларкина, а также характеризуются способы передачи эмотивности при переводе художественных текстов с английского на русский язык (на примере стихотворений Ф. Ларкина).

Ключевые слова: перевод, художественный текст, эмотивность, эмоциональность, трансформация.

Статья представляет собой обобщение лексико-семантических особенностей репрезентации эмотивности в художественных текстах и способов их передачи при переводе с английского на русский язык.

Прежде всего рассмотрим подходы к трактовке понятия эмотивности, ее функций и особенностей репрезентации в речи. С. В. Коростова отмечает, что само понятие эмотивности изучается и как языковая, функционально-семантическая категория, и как семантическое свойство языка, и как функция его отдельных единиц, и как составляющая коннотативного смысла текста, и как речеведческое понятие, а в ряде исследовательских работ «эмоциональность», «экспрессивность», «оценочность», «модальность» рассматриваются как синонимичные эмотивности [4, с. 87]. Тем не менее, В.

И. Шаховский указывает на нетождественность понятий «эмотивность» и «эмоциональность», так как они принадлежат разным научным дисциплинам: эмотивность он относит к понятийно-терминологическому аппарату лингвистики, а эмоциональность – к психологии [10, с. 24]. Схожую точку зрения высказывает и Л. А. Пиотровская, которая понимает под эмотивностью функцию единиц языка по выражению общей эмоциональной оценки субъекта, которая преобразуется в смысловой компонент, обладающий наибольшей когнитивной значимостью [7, с. 28]. В данной работе мы придерживаемся мнения Л. А. Пиотровской.

В ходе анализа романа Уильяма Симмса «Мартин Фабер» Е. А. Морозкина и С. Р. Хамматова выделяют следующие средства создания эмотивности:

– на лексическом уровне – аффективы (междометия, междометные единицы) и языковые единицы, которые выражают «доминантную эмотивность» художественного текста;

– на синтаксическом уровне – повторы, инверсии, вопросительные конструкции, использование автором громоздких предложений в сочетании с парцелляцией, а также сложных лингвистических конструкций и их синтагматической расчлененности, использование эмфатических конструкций [6, с. 176].

Кроме того, они указывают, что для выражения эмотивности текста могут использоваться особенности его композиционного построения, членение на абзацы, пунктуационное оформление, графические средства [6, с. 177]. Также следует подчеркнуть, что стилистические приемы передают суть художественного мышления и видения мира автора, своеобразие его художественного стиля, выражают эмотивность текста и формируют речевую характеристику персонажей [1, с. 37]. Стилистические приемы являются сознательной литературной обработкой языкового факта, «обобщенным, типизированным проигрыванием нейтральных и выразительных фактов языка

в разных литературных стилях речи» [1, с. 47] и делятся на лексическо-фразеологические (например, гипербола, сравнение, метафора, метонимия, аллюзия, оксюморон, игра слов, перифраз), синтаксические (например, инверсия, эллипсис, риторический вопрос, литота, параллелизм, нарастание, хиазм, антитеза, полисиндетон, асиндетон) и фонетические (например, оноματοпεία, аллитерация, рифма и ритм) [1, с. 37].

Обобщая все сказанное, эмотивность представляет характеристику языка, языковых единиц и их семантики, которая заключается в способности выражать средствами языка эмоциональность как явление психики. Следовательно, эмотивность может иметь как узуальный, так и ситуативно-речевой характер. Совокупность языковых и текстовых средств эмотивности в художественном тексте, их отбор и сочетание формируют эмотивную окраску текста, в которой кодируется его эмоциональное содержание. В художественных произведениях для передачи эмоционального состояния героев может применяться целый ряд литературных приемов, контекстуальных и стилистических средств языка.

Далее рассмотрим способы описания передачи эмотивности при переводе. Художественный перевод традиционно считается одним из самых сложных видов перевода, что обусловлено его многостилевой природой, а также необходимостью передать не только смысл оригинала, но и его прагматические характеристики, художественный стиль автора, а также воссоздать в переводе эмотивность оригинала. Н. В. Шамова описывает эквивалентный перевод как перевод, где передаются все виды эквивалентности, а адекватный – как перевод, в котором переводчик, исходя из цели перевода и характера адресата, работает только с денотативной эквивалентностью, в то время как другими типами эквивалентности он может пренебречь [9, с. 173].

Также Я. И. Рецкер высказал мнение, что основным аспектом адекватности перевода является его многофункциональная точность. Именно

через многофункциональные соответствия оригинала можно воссоздать единство формы и содержания на иной языковой базе [8, с. 13]. Отсюда следует, что понятие адекватности – вместе с понятием эквивалентности – употребляется в переводоведении для оценки качества перевода. Адекватность означает передачу при переводе коммуникативных функций текста оригинала, а эквивалентность – максимально возможную в каждом конкретном случае лингвистическую близость текстов оригинала и перевода.

Перейдем теперь к классификациям переводческих трансформаций. Наиболее разработанной в отечественном переводоведении является классификация, которая была предложена В. Н. Комиссаровым [3, с. 161 – 186]. В зависимости от характера изменений он выделяет три типа переводческих трансформаций (таблица 1).

Таблица 1

Классификация переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову

Типы переводческих трансформаций	Приемы
Лексические	Транскрипция, транслитерация и калькирование; лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и модуляция)
Грамматические	Дословный перевод (синтаксическое уподобление); членение предложений; объединение предложений; грамматические замены (замена грамматической категории, замена члена предложения, предложения определенного типа)
Лексико-грамматические	Компенсация; антонимичный перевод; экспликация (описательный перевод)

С точки зрения Ж.-П. Вине и К. Дарбельне, к прямому переводу относятся следующие переводческие трансформации: калькирование, заимствование и буквальный перевод. В случае буквального перевода можно говорить, что текст и его перевод симметричны [2, с. 378].

Одним словом, для передачи при переводе эмотивности художественного текста, выраженной различными лингвистическими и контекстуальными средствами, может возникнуть необходимость в использовании особых переводческих приемов.

В исследовательской части нашей работы отметим, что для адекватной передачи при переводе средств эмотивности художественного текста предполагается применение подхода И. Г. Мальцевой, которая предложила методику установления адекватности художественного перевода, основанную на сопоставлении признаков художественного концепта оригинала с соответствующими признаками концепта перевода – перевод является адекватным, если сохранена высококачественная и количественная черта набора признаков художественных концептов оригинала в тексте перевода [5, с. 190].

С учетом темы нашей работы проведем анализ лексико-семантических средств создания эмотивности в стихотворных произведениях Филиппа Ларкина.

В ходе анализа стихотворений Ф. Ларкина («Aubade», «Church Going», «Next, Please!») нами были выделены следующие группы средств создания эмотивности (таблица 2): прямая номинация, то есть слова, прямо называющие эмоции (10%); ассоциативная лексика (34%); оценочная лексика (24%); стилистические приемы (32%).

Средства создания эмотивности и примеры

Группа	Пример	Комментарий
Прямая номинация	<i>Bored, uninformed, knowing the ghostly silt Dispersed</i>	В данном примере эмоции прямо номинируются словом <i>bored</i> – «скучный, скучающий»
Ассоциативная лексика	<i>Always too eager for the future, we Pick up bad habits of expectancy. Something is always approaching; every day Till then we say,..</i>	В стихотворении «Next, Please!» автор обращается к теме обманутого ожидания и смерти. Соответствующую эмотивность в приведенном отрывке создает ассоциативная лексика, указывающая на бесконечность, привычность ожидания чего-то лучшего, положительных изменений: <i>always</i> – «всегда», <i>every day</i> – «каждый день», <i>expectancy</i> – «ожидание, предвкушение», <i>habit</i> – «привычка»
Оценочная лексика	<i>An only life can take so long to climb Clear of its wrong beginnings</i>	В этом примере оценочная лексика, выражающая эмотивность, представлена словосочетанием <i>wrong beginning</i> – «неправильное начало»
Стилистические приемы	<i>The sky is white as clay, with no sun</i>	В данном примере средством создания эмотивности выступает сравнение <i>white as clay</i> – «белый как глина»

Далее рассмотрим сохранение эмотивности произведений Ф. Ларкина на примере перевода проанализированного нами стихотворения «Next, Please!», выполненного Г. Б. Яропольским («Следующий!»).

Оригинал:

*Always too eager for the future, we
Pick up bad habits of expectancy.
Something is always approaching; every day
Till then we say,*

Перевод:

*Ждать жизни лучшей, будущей, иной
становится привычкою дурной.
Все время что-то близится; не лень
мнить: через день*

Как видим, перевод Г. Б. Яропольского выполнен близко к структуре оригинала – сохранены и размер, и организация строк. Однако необходимость сохранения структуры оригинала потребовала отказа от передачи в переводе некоторых единиц оригинала.

Смысловая составляющая оригинала в целом сохранена, но Ф. Ларкин писал достаточно простым языком, в то время как у переводчика мы находим такие слова, как «иной», «мнить», «близится», которые в русском языке всё же принадлежат к архаизмам.

К этой же группе архаизмов можно отнести использование формы слова «привычкою» вместо «привычкой». Замена нейтральной лексики архаизмами придает произведению эмотивность, которой нет в оригинале.

Тем не менее, эмотивность оригинала, выраженная в словах «always», «every day», «eager», «expectancy», «habit», сохраняется в переводе за счет использования ассоциативной лексики, передающей утраченный элемент содержания оригинала – ту же семантику ожидания и времени («ждать», «привычка», «близится», «через день»), что является, по терминологии В. Н. Комиссарова, компенсацией.

Следовательно, мы можем сказать, что неполная передача эмотивности в переводе обусловлена несоблюдением стилистических характеристик оригинала, отказом от передачи при переводе отдельных элементов и снижением за счет этого образности текста.

Таким образом, эмотивность можно определить как функционально-семантическую категорию, которая выступает неотъемлемой характеристикой языка и заключается в способности языковых средств выражать эмоциональность как явление психики. Перевод художественных произведений, направленный на передачу прагматических функций художественного текста, его идейно-эстетического содержания, стилистики, а также эмоционально-экспрессивных особенностей и эмотивности, требует применения особого подхода. В ходе подробного рассмотрения перевода на русский язык стихотворения «Next, Please!» нами были отмечены ряд неточностей и потеря эмотивности стихотворения при переводе, следствием чего стало нарушение стилистики оригинала.

Список литературы

1. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
2. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: «Юрайт», 2018. 545 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. *Коротова С.В.* Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 85-93 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12225441> (дата обращения: 05.11.2020).
5. *Мальцева И.Г.* Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 188-191.
6. *Морозкина Е.А., Хамматова С.Р.* Выражение эмотивности в художественном тексте (на материале романа У.Г. Симмса «Мартин Фабер») // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 172-178 [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-emotivnosti-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-u-g-simmsa-martin-faber> (дата обращения: 05.11.2020).
7. *Пиотровская Л.А.* Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. 2007.
8. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: «Р. Валент», 2007. 240 с.
9. *Шамова Н.В.* Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. 2005. № 2. С. 171-180.
10. *Шаховский В.И.* Типы языковых значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20-26.

© Алиева Н.Р., 2020

УДК 82

DOI: 10.46987/1222122020_15

И. С. Емельянов

ЯКУТСКАЯ ТЕМА В ЗЕРКАЛЕ НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются литературные произведения, созданные в конце XIX – начале XX веков на якутском материале. Основное внимание уделено выявлению черт народнического мировоззрения в художественных текстах. В частности, народнические черты можно встретить в произведениях русских, украинских и польских авторов. В статье отмечается влияние народнической социологии на анализ якутского общества в таких произведениях, как повесть «В сетях» польского писателя Вацлава Серошевского и очерк «Красный кафтан» украинского поэта и прозаика Павла Грабовского.

Ключевые слова: народническая литература, Якутия, литература, Вацлав Серошевский, Павел Грабовский.

Народничество сыграло заметную роль в развитии русской литературы XIX века. Это идеологическое течение обеспечивало литературу и другие виды искусства определёнными мировоззренческими и эстетическими принципами, обогащало тематически. Народничество позволяло расширить тематические рамки традиционно изображаемого в искусстве, побуждало художника, писателя, поэта открыто декларировать свои взгляды и убеждения, выражать свою позицию по наиболее острым вопросам общественной жизни. Влияние идеологии народничества отразилось на творчестве многих известных писателей второй половины XIX века. Среди них, например, можно назвать Глеба Успенского. Наиболее последовательно эстетические и социологические аспекты идеологии народничества воплотились в творчестве П. В. Засодимского, П. И. Златовратского, Н. Е. Каронина-Петропавловского, Н. И. Наумова, Ф. Д. Нефедова.

Интерес к творчеству писателей-народников не угасает и в наши дни. В частности, можно назвать работы Т. В. Дячук [2], А. Г. Себелевой [3], Е. Г. Чеботаревой [4]. Отдельные работы посвящены изучению народнической литературы о Сибири [5]. Однако это не значит, что данная тема исследована полностью. В частности, интерес представляет отражение в народнической литературе быта и жизни коренных народов Сибири и Дальнего Востока. В настоящей статье основное внимание уделено влиянию социологических воззрений народников на освещение якутской тематики в литературе конца XIX – начала XX вв.

Социологические воззрения народнического движения выражаются в творчестве писателей, прежде всего, в их внимании к проблемам, порождаемым социальным расслоением в обществе, и особенно – в деревне. Литература народничества, анализируя жизнь русского крестьянства в пореформенной России, изображает кулаков-«мироедов». Согласно взглядам народников, капитализм разрушал мир русской крестьянской общины, подрывал сами основы русского стихийного социализма. В то же время в сочинениях народников появляются образы правдолюбцев и правдоискателей, которые, на их взгляд, являются носителями «народной мудрости». Эта мудрость часто непонятна другим, а носители ее зачастую воспринимаются окружающими как потерявшие разум. В целом, социум у писателей-народников, как правило, превалирует над индивидом. Нередко община как целое в повестях, рассказах и очерках показана и исследована глубже, чем индивидуальные характеры. Эти качества переводят художественный текст на иной уровень, ставят его между социологическим исследованием и собственно литературой. В этом отношении очень характерно, что именно очерк стал одним из самых распространенных жанров в народнической литературе. Он давал автору возможность рисовать с «живой натуры», привлекать внимание читателя к злободневным проблемам. В этом отношении писатель выступал больше в качестве публициста, чем художника.

Явное проявление народнических воззрений либо близость к художественным принципам народнической прозы можно обнаружить в произведениях тех писателей, которые отбывали ссылку в Якутии во второй половине XIX – начале XX веков. К этим писателям можно отнести Владимира Галактионовича Короленко (1853 – 1921), Вацлава Леопольдовича Серошевского (1858 – 1945) и Павла Арсеньевича Грабовского (1864 – 1902). Таким образом, в рамках народнической литературной традиции тема Якутии была представлена в конце XIX – начале XX веков. Однако среди указанных писателей только П. А. Грабовский в полной мере развил местный национальный материал в своем произведении, воплотившем формальные и идеологические принципы народнического очерка.

Отнесение к писателям народнического направления В. Г. Короленко ошибочно. Именно в якутской ссылке он отказался окончательно от народнических убеждений. Сам писатель недвусмысленно говорит об этом в «Истории моего современника», да и его якутские повести и рассказы – явное тому свидетельство. В то же время нельзя не заметить, что опыт народнической социологии не был забыт писателем. Ее влияние прослеживается в том внимании, которое уделяется социальным аспектам ссылки, а также в явно выраженным чертам очерка, свойственным многим сибирским произведениям Короленко. Наиболее наглядно эти качества проявляются в таких рассказах, как «Соколинец» и «Марусина заимка».

Более сложным с точки зрения интересующей нас темы представляется творческое наследие В. Л. Серошевского. Формально сочинения польского писателя трудно соотнести с русской народнической литературой, однако отдельные качества его якутских произведений позволяют выявить близость рассказов и повестей Серошевского к прозе народничества. Однако от собственно народнической идеологии автор «Якутских рассказов» был далек.

Наиболее показательной в этом отношении является повесть «В сетях». Основной конфликт повести заключается в противоречиях, возникающих

между ссыльным Александром и якутской общиной. В описании этого конфликта польский писатель обращает внимание на социологический аспект. Так, он показывает, насколько дифференцированным было отношение якутов разных социальных слоев к ссыльному. С большей симпатией к Александру относятся бедняки. В повести бедные якуты не являются зачинщиками конфликта, они стремятся занять нейтральную позицию. Однако они не становятся на сторону ссыльного, так как являются членами якутской общины. Писатель показывает сплоченность якутской общины в отстаивании своих интересов. Несмотря на имеющиеся внутри нее разногласия и разное отношение к Александру, якуты выступают сообща, что в итоге приводит к краху всех надежд ссыльного.

Крестьянская община, ее сплоченность, присущий ей коллективизм были высоко ценимы в идеологии народничества. В этих качествах народники видели проявление стихийной, глубинной склонности крестьянина к экономическому и общественному устройству, которое основано на социалистических принципах. Как мы видим, для польского писателя эта сплочённость тоже важна, но конфликт ссыльного и якутской общины осмысливаются на совершенно ином уровне.

В повести «В сетях» конфликт ссыльного Александра с якутским крестьянским «миром» показан не как столкновение пагубного капитализма с патриархальными устоями, как это типично для народнической точки зрения. Серошевский показывает это столкновение, прежде всего, как результат ссылки в Сибирь и Якутию. Обе стороны, – и ссыльные, и якуты, – являются жертвами этой практики. Наконец, в повести конфликт основан также на разном образе жизни ссыльных и якутов, это конфликт разных цивилизационных «миров», разных культур – западной и восточной, земледельческой и скотоводческой. Таким образом, уровень и ракурс анализа конфликта в повести Серошевского «В сетях» нетипичны для литературы народничества.

К народническим по форме и идеологии произведениям относятся очерки П. А. Грабовского, созданные на якутском материале. Как Короленко и Серошевский, Грабовский провел несколько лет в якутской ссылке в конце XIX века. На якутском материале создан очерк «Красный кафтан». Показателен уже выбор жанра очерка, так как он был чрезвычайно развит в народнической литературе. Он позволял фиксировать явления текущей жизни, давал возможность соединить в рамках одного произведения художественное и фактографическое. Для народнического очерка характерна подчеркиваемая автором реальность лежащей в его основе истории. Неслучайным является выбор героя очерка, который, как правило, обладает чертами типичного персонажа народнической литературы – правдолюбца и правдоискателя. Этот персонаж не столько индивидуален, сколько представляет собой некое обобщение наиболее важных для писателя-народника черт, свойственных всему народу, всей крестьянской общине. Сама жизнь героя народнического очерка есть концентрированное выражение тягот и бед народа. Именно эти черты мы находим в очерке Грабовского.

Якут, прозванный в народе Красным кафтаном из-за цвета его оборванной шутовской одежды, в которую обрядил его исправник, пережил много несчастий и бед. Сначала во время родов умерла его жена, потом один за другим умерли дети. Следом за этими бедами следуют другие – в управу приезжает чиновник-следователь, который заявляет, что Красный кафтан уже несколько лет не платит налоги. Герой очерка с этого времени начинает «год от года хиреть, пока окончательно не превратился в нищего; юрта его развалилась, новой строить он не стал – напрасный труд... Запечалился Кафтан о своей горькой доле и заплакал. Никто, правда, не видел его слез, но многие слышали, как пел Кафтан, сидя верхом на быке, о своем тяжком житье...» [1, с. 258].

Сумасшествие Красного кафтана представлено в очерке Грабовского в связи с традициями народничества: оно осмысливается не столько как душевный

недуг, сколько как форма социального протеста. Показательно в этом отношении сравнение очерка Грабовского с очерком известного народника Н. И. Наумова «Умалишённый». Умалишённый из очерка Наумова является защитником угнетенных, борцом с мироедами – разорителями деревни. Красный кафтан не борец, но тоже выразитель чаяний деревенской бедноты. Для Грабовского важна жизненность, типичность истории бедного якута, жанр очерка подчеркивает ее достоверность, придает образу Красного кафтана реалистичность. Он, таким образом, поставлен писателем в один ряд с другими персонажами народнической литературы, вобравшими в себя черты правдолюбцев, правдоискателей из народа. Как утверждала идеология народничества, таких в крестьянской массе много. Об этом прямо говорит и сам Грабовский: «Невольно вспоминались мне «полоумные» искатели всяческих правд среди нашего обездоленного народа» [1, с. 260].

Однако такой персонаж народнической литературы наряду с типическими чертами обладает также и чертами избранности, которые выделяют его из общей крестьянской массы. Примечательно, что и Красный кафтан в очерке тоже наделяется ими. При встрече с ним автор немедленно отмечает эту особенность, он с первого взгляда видит, что оборванный якут не «просто нищий попрошайка, которым среди якутов нет числа, а что за всем этим кроется, вероятно, какая-то «обида», жалоба на людей или судьбу, – словом, что-то в этом роде. Мне показалось даже, что выражение лица старика не раз менялось, и что на его ресницах дрожали капли слез» [1, с. 256]. Подобно другим типичным для народнической литературы сочинениям, в очерке Грабовского показан человек из крестьянской массы, в котором выражается некая «мудрость», исходящая из самих глубин народа. Она дает такому человеку особую прозорливость, он видит не только народную нужду, но и народную, общинную выгоду. Так, Красный кафтан не просто образец бед и несчастий народа. Он может помочь всем беднякам исправить тяжелую жизнь всей общины, ведь он «изобрел способ избавить от злой судьбы таких

же, как и он сам, бедняков: для этого надо было спустить одно большое озеро в реку – вот вам и сенокосы, и все прочее... проснись, голытьба, послушай, что тебе советуют» [1, с. 258]. Следовательно, в образе Красного кафтана из очерка Грабовского проявляются черты народного защитника, обличителя, который не понят и отвергнут не только богатеями-«мироедами», но также и самой деревенской общиной – то есть те черты, которые можно увидеть в героях народнической литературы.

В заключение отметим, что народническая идеология и народническая литературная традиция оказали известное влияние на писателей, отбывавших якутскую ссылку. В то же время наиболее значительные из них, такие как Короленко и Серошевский, в своих повестях и рассказах, созданных на материале якутской ссылки, продвинулись гораздо дальше идеологических и художественных доктрин народничества. К типично народническим произведениям можно отнести очерк Грабовского «Красный кафтан». В нем наиболее полно воплощены черты народнического социологического очерка и представлен характерный для народнической литературы герой – страдалец и народный заступник.

Список литературы

1. *Грабовский П.А.* Избранные произведения. Перевод с украинского А.И. Киселева. Киев: Гослитиздат УССР, 1951. 365 с.
2. *Дячук Т.В.* Инфантилизм народа как тема очерковой прозы писателей-народников // Научный диалог. 2020. № 2. С. 222-237.
3. *Себелева А.Г.* Народническая беллетристика конца XIX века: пути развития // Нижневартровский филологический вестник. 2019. № 1. С. 19-28.
4. *Чеботарева Е.Г.* Проза писателей-народников как художественное явление 1870-х гг. // Гуманитарные исследования. 2008. № 4 (28). С. 152-157.
5. *Шиловский М.В.* Ссылные писатели-народники 80-х гг. XIX в. о Сибири // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII – XX вв. / Под ред. И.С. Кузнецова и других. Новосибирск, 1994. С. 27-36.

© Емельянов И.С., 2020

УДК 81-26.347.78.034

Ю. В. Ермохина

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются способы воздействия рекламы на аудиторию. В частности, анализируются примеры англоязычных рекламных текстов. Установлено, что реклама может достигать своих целей как посредством создания необходимого психологического эффекта в рекламных текстах, так и путем употребления средств выразительности и стилистических приемов.

Ключевые слова: реклама, рекламные тексты, английский язык, воздействующая функция, средства выразительности, стилистические приемы, влияние.

Современный мир практически нельзя представить без рекламы. Она окружает нас повсюду – в общественном транспорте, с экранов телевизоров, на улицах с рекламных щитов. Это неизбежная часть жизни каждого человека. У одних людей реклама может вызывать раздражение, а у других – улыбку. Но зачастую реклама обращается к нашему подсознанию, оказывая на него значительное влияние, а также формируя или изменяя определенную модель поведения человека. Влияние рекламы на поведение человека в обществе является, несомненно, одним из наиболее актуальных вопросов на сегодняшний день.

Тексты рекламы не только дают основные представления о рекламируемом товаре, но и внушают потребителю мысли о необходимости покупки определенного товара. На реализацию этой функции большое влияние оказывает язык рекламных текстов, а именно лексика, морфология, синтаксис, во многом определяющие силу этого воздействия.

Важным моментом в определении рекламы является упоминание характера убеждения и воздействия на массовую аудиторию. Реклама является оплаченной неличной формой коммуникации, осуществляемой рекламодателем с целью склонить потребителей к покупке товара или повлиять определенным образом на аудиторию [3, с. 7].

Рекламное воздействие подразумевает привлечение аудиторного внимания через различные средства массовой информации. Зачастую люди редко задумываются о том, способна ли реклама заставить их подумать о чем-либо и начать действовать.

Безусловно, реклама как коммерческий текст создается для того, чтобы заинтересовать покупателей, но, кроме этого, она способна заставить людей оглянуться вокруг себя и обратить внимание на многие проблемы, которые их окружают. На это нацелена, в частности, социальная реклама.

Только эффективная реклама способна решать поставленные задачи, поэтому принято выделять основные компоненты составления рекламы, к которым, несомненно, относится ее креативное оформление, повышающее не только интерес, но и осведомленность потребителей в отношении социальных проблем общества [2, с. 125].

А. Д. Джулер и Б. Л. Дрюниани, занимающиеся изучением рекламных текстов, убеждены, что реклама должна содержать послание, побуждающее людей к совершению определенного действия, а также обязана обеспечивать связь с аудиторией и, конечно же, быть творческой [5, с. 51].

Чтобы заставить человека о чем-либо задуматься, в первую очередь необходимо завоевать его внимание. Именно поэтому одним из основных способов воздействия на аудиторию необходимо назвать апелляцию к определенным эмоциям. Обращаясь к эмоциональной восприимчивости покупателя, реклама вызывает некие позитивные или негативные чувства, которые влияют на дальнейшее отношение и поведение людей в рамках рассматриваемого в рекламе товара или проблемы [4]. Кроме того, реклама

способна обращаться к аудитории путем конкретизации определенного вопроса или же использовать скрытое побуждение к действию.

Так, рекламные сообщения, психологически воздействующие на аудиторию, можно классифицировать следующим образом:

1. Реклама, направленная на развитие здорового образа жизни (нацелена на пропаганду правильного питания и спорта, а также на борьбу с курением, наркоманией и алкоголизмом): «Your children copy you. Eat right!» – «Ваши дети во всем Вам подражают. Питайтесь правильно!», «What goes into crisps goes into you» – «Что проникает в Ваш организм вместе с чипсами?».

2. Реклама, направленная на формирование нравственности: «Some things should never be for sale» – «Некоторые вещи никогда не должны быть выставлены на продажу». Так звучит фраза рекламного слогана, побуждающего покончить с детским рабством – «Let`s end child slavery». «Liking Isn`t Helping. Be A Volunteer. Change A Life» – «Простое выражение эмоций – не помощь. Стань волонтером. Измени жизнь!» [4].

3. Реклама, прививающая любовь к животным: «Who keeps me?» – «Кто позаботится обо мне?»; «Holiday is wherever I can be with you» – «Праздник там, где я могу быть рядом с тобой».

4. Реклама, нацеленная на формирование бережного отношения к окружающей среде: «Love the World you live in» – «Полюби мир, в котором ты живешь!»; «Don`t let garbage replace wildlife» – «Не позволяйте мусору заменить дикую природу!»; «Hello shopping shirt. Goodbye plastic bags» – «Привет, эко-сумка! Прощайте, целлофановые пакеты!» [6].

5. Реклама, направленная на предотвращение дорожно-транспортных происшествий: «Never drink and drive» – «Никогда не садись в состоянии алкогольного опьянения за руль!», «Don`t talk while driving think of both sides» – «Не разговаривайте за рулем, подумайте об обеих сторонах движения!», «Sleepiness Is Stronger Than You. Don`t Drive Sleepy» – «Сонливость сильнее тебя. Не садись за руль в состоянии сонливости!».

Для реализации стратегии убеждения рекламисты используют различные средства выразительности. Так, в рекламном сообщении может быть использован прием аллитерации [1, с. 35], например: «Take time to be a dad today» – «Выбери время, чтобы стать отцом» (повторение согласного звука «t»), или же ассонанс: «Choose or loose» – «Выбери или потеряй» (повторение гласного звука «u:»). Эти звуковые приемы создают эффект благозвучия, что оказывает положительный эффект на аудиторию [6].

Для восприятия более глобальных проблем создатели рекламы порой используют метонимию, например: «See the person, not the disability» – «Смотри на человека, а не на инвалидность».

Чтобы рекламное сообщение было более убедительным, текст дополняют личными и притяжательными местоимениями. Так, сам рекламодаделец обозначается как «we», потребитель же – «you», например: «We work so you don't have to» – «Мы работаем, Вы – отдыхаете!» [1, с. 177].

Чтобы показать отличительные черты рекламируемого товара от товаров конкурентов, рекламисты прибегают к сравнению («It doesn't get better than this» – «Лучше и быть не может»). Именно этот прием позволяет актуализировать в сознании потребителя ту информацию о товаре, которая делает его выигрышным на фоне остальных [6].

Воздействие на потребителей достигается также за счет использования эпитетов, подчеркивающих особые свойства товаров («Creamy. Dreamy. Icy. Chocolately» – «Сливочный. Мечтательный. Ледяной. Шоколадный»). Использование же звукоподражания создает ассоциативный эффект, например: «Snap! Crackle! Pop!» – «Щелк! Хруст! Хлоп!» (сухие завтраки «Krispies»).

Порой реклама достигает желаемого эффекта путем использования противопоставлений: «Small price. Big cheese-eating grin» – «Небольшая цена. Большое сырное удовольствие».

Рекламные тексты являются непрямой формой убеждения, базирующейся на информационном и эмоциональном описании преимуществ продукта или значимости общественных проблем. Их задача состоит в создании у аудитории определенных впечатлений о товарах и социальных вопросах, в мотивации как можно большего числа людей к совершению конкретных действий [5, с. 55]. Таким образом, реклама обладает эффективным потенциалом воздействия, позволяющим влиять на человеческое сознание и склонять потребителей к покупке конкретных товаров. Она оказывает влияние на эмоциональную и мотивационно-поведенческую стороны как индивидуального, так и массового сознания благодаря своей воздействующей функции.

Список литературы

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 263 с.
2. *Иванова К.А.* Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. – СПб, 2007. – 160 с.
3. *Уэллс У., Мориарти С., Бернетт Дж.* Реклама: принципы и практика. Перевод с английского. – СПб.: «Питер Пресс», 2008. – 660 с.
4. *De Mooij.* Consumer behavior and culture, 2010 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.coursehero.com/file/p1csck7/De-Mooij-M-2010-Consumer-behavior-and-culture-Consequences-for-global-marketing/> (дата обращения: 05.09.2020).
5. *Drewniany B.L., Jewler A.J.* Creative Strategy in Advertising. Ninth Edition. – Thomson Wadsworth, 2005. – 332 p.
6. *Smith K.L.* The translation of advertising texts 2002 [Электронный ресурс]: URL: http://etheses.whiterose.ac.uk/3044/2/251329_VOL1.pdf (дата обращения: 03.10.2020).

© Ермохина Ю.В., 2020

УДК 81'33

DOI: 10.46987/1222122020_27

Ф. П. Кириллов

**СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ
УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ**

Научный руководитель:

Башмакова Наталья Ивановна

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «РГУП»

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики коммуникативной стратегии политического дискурса Уинстона Черчилля. В статье конкретизируется понятие «коммуникативная стратегия», рассматриваются способы ведения коммуникативной стратегии убеждения на примере аутентичных политических речей – инструмента ораторского искусства британского государственного деятеля.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая речь, коммуникативная стратегия, намерение.

Цель статьи состоит в раскрытии сущности коммуникативных стратегий в целом, а также в выявлении специфики стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе Уинстона Черчилля.

В традиционном понимании политика как общественный феномен представляет совокупность комплексных и обширных взаимосвязей между определенными социальными слоями, нациями или народами, выражающихся в моделях «власть-население» и «гражданин-объединение граждан» [1]. Понятие политического института включает в себя совокупность определённых правил и моделей поведения, реализация которых является жизненно необходимой для отдельных социальных групп или общества в целом.

Специфика реализации политической деятельности определяется её дискурсивно-языковым характером [2]. В рамках лингвистического анализа политика представляется как совокупность человеческих взаимоотношений, которые осуществляются в большинстве случаев при использовании языка. Так, К. С. Гаджиев отмечает, что без изучения политического языка нет и не может быть политологии [3, с. 550]. Это можно объяснить тем, что в политике, по сравнению с иными общественными сферами деятельности, дискурс является ключевым институтом, так как большинство политических действий обладают речевой формой.

Политический дискурс, являясь видом убеждающего дискурса, наделен манипулятивным характером и оказывает воздействие на адресата с целью изменить его позицию по конкретному вопросу. Такое речевое воздействие осуществляется в ходе реализации адресантом коммуникативных тактик и стратегий посредством оперирования знаниями адресата, его убеждениями, желаниями или волей [4].

Уточнение понятия «коммуникативная стратегия» потребовало изучения трактовок ряда исследователей (М. Л. Макаров, Г. Г. Матвеева, И. В. Самарина, Л. И. Селиверстова, Т. Е. Янко).

М. Л. Макаров обозначает коммуникативную стратегию как последовательность коммуникативных выборов тех или иных языковых средств адресанта, так и реализацию им поставленных целей [5]. Коммуникативная стратегия осуществляется при планировании процесса речевой коммуникации и реализации этого плана [6]. Т. Е. Янко полагает, что коммуникативная стратегия осуществляется посредством коммуникативных решений в ходе распределения коммуникативных составляющих частей информации [7].

На основании изложенного можно сделать вывод, что ключевой характеристикой коммуникативной стратегии является целенаправленность. Эффективность такого речевого феномена, как коммуникативная стратегия

определяется количеством достигнутых целей в зависимости от их иерархии: наиболее желательные цели должны быть достигнуты в первую очередь. Адресант лично формулирует их на разных этапах коммуникативной стратегии и может вносить корректировки в свои речевые действия.

К компонентам любой коммуникативной стратегии можно отнести следующие: 1) выбор адресантом основного речевого намерения; 2) отбор компонентов семантики предложения, соответствующих коммуникативным значениям, которые обладают модифицирующим характером; 3) обозначение объема информации, а именно *что* будет составляющим одной темы, одной ремы и т. п.; 4) соотнесение информации о текущем положении дел с состоянием сознания адресата и его эмпатией; 5) определение четкого порядка, в котором будут следовать один за другим коммуникативные составляющие; 6) настройка коммуникации на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный и т. д.), стиль и жанр [8].

Существование конкретной стратегии обеспечивается совокупностью намерений, так называемых тактик, в ходе реализации которых адресант строго придерживается определенного алгоритма речевых действий. Учитывая то, что тактика представляет собой более мелкую коммуникативную единицу в отличие от коммуникативной стратегии, реализация тактики обеспечивается посредством языковых приёмов, которые, в свою очередь, имеют форму разнообразных языковых средств, в то время как реализация стратегии обеспечивается посредством совокупности тактик.

По-настоящему действенные стратегии хорошо представлены в речах знаменитых политиков прошлого, одним из которых, несомненно, являлся Уинстон Черчилль – выдающийся государственный и политический деятель Великобритании, чьи речи привлекали большое внимание современников и вплоть до сегодняшнего дня продолжают оставаться объектом изучения со стороны лингвистов.

Нами были исследованы наиболее известные речи Уинстона Черчилля на предмет коммуникативных стратегий и тактик, которых он придерживался в ходе своих выступлений.

В лингвистической науке существует множество подходов к классификации речевых тактик и стратегий. Опираясь на классификацию О. Л. Михалёвой, можно выделить три основных вида стратегий политического дискурса, которым присущи собственные уникальные тактики и приемы речи: «стратегия на понижение», «стратегия на повышение», «стратегия театральности» [9].

1. «Стратегия на понижение» заключается в том, что адресант в ходе выступления дискредитирует своего оппонента, который является его политическим противником. Данная стратегия реализуется за счет использования специальных тактик, которые напрямую или косвенно выражают негативное отношение к предмету дискурса с целью ослабить позиции оппонента или выразить отрицательное отношение к определенной сложившейся ситуации.

В рамках этой стратегии может быть применена тактика «анализ-минус». Её суть заключается в том, что адресант описывает ситуацию, к которой относится негативно, однако он не сообщает о своем недовольстве адресату напрямую. Так, в ходе выступления в Палате общин 12 ноября 1936 года в своей речи «The locust years» Уинстон Черчилль отмечал:

«Thus, I hope we may succeed in again achieving a position of superior force, and then will be the time, not to repeat the folly which we committed when we were all-powerful and supreme» [10].

Оратор, описывая сложившуюся ситуацию, связанную с внешней политикой Германии, призывает другие страны объединиться для противодействия внешнеполитическому оппоненту. Автор применяет безличные предложения, за счет которых у адресатов создается ощущение независимости и непредвзятости У. Черчилля. Насыщенная образность

достигается за счет обращения к истории и историческим событиям, которые происходили с Великобританией ранее («*not to repeat the folly which we committed*»). Данный прием позволяет оратору обозначить резкий контраст между историческим событием и сегодняшним днём.

Иной тактикой «стратегии на понижение» является «тактика обвинения», которая заключается в публичном обвинении или осуждении кого-либо или чего-либо, в приписывании оппоненту или явлению вины с целью представить его перед аудиторией в негативном ключе, обличить его негативные качества или намерения. Реализуя тактику обвинения, автор использует лексические единицы, которые обладают негативным оценочным значением. 28 мая 1948 года Уинстон Черчилль выступил на съезде Шотландской юнионистской партии с речью «*Socialism is the philosophy of failure*»:

«We are oppressed by a deadly fallacy. Socialism is the philosophy of failure, the creed of ignorance and the gospel of envy. Unless we free our country while time remains from the perverse doctrines of Socialism, there can be no hope for recovery. This island cannot maintain its population as a great power» [11].

Речь политического деятеля Великобритании изобилует эпитетами и метафорами, при помощи которых он осуждает явление социализма. У. Черчилль определяет социализм как абсолютно негативный феномен и не подкрепляет при этом свои доводы никакими рациональными доказательствами – он привлекает внимание адресата исключительно одной лишь эмоциональностью своих высказываний. Их негативная окраска достигается за счет использования лексических единиц с ярко выраженной негативной коннотацией.

Таким образом, особенность тактик «стратегии на понижение» заключается в том, что для них характерно как косвенное, так и прямое осуждение оппонента или явления посредством выражения адресантом своего негативного отношения. Настоящая стратегия используется Уинстоном

Черчиллем, в первую очередь, с целью дискредитации оппонента за счет использования громких эпитетов и метафор или косвенного осуждения.

2. «Стратегия на повышение» в отличие от стратегии, рассмотренной выше, направлена на повышение адресантом собственной репутации и значимости перед адресатом. Она характеризуется наличием эмоциональных лексических единиц, благодаря которым автор захватывает внимание слушателя. Рассматриваемая стратегия включает в себя следующие тактики:

1) Тактика «анализ-плюс» – подразумевает такое описание адресантом ситуации, при котором он неявно выражает к ней свое положительное отношение.

Так, в ходе своего третьего выступления в Конгрессе Соединенных Штатов Америки в 1952 году британский политик в позитивном ключе рассматривал процесс становления единой Европы в послевоенные годы [12]. В своей речи он применил лексические единицы с положительной коннотацией («*is being made towards European unity*»), говоря о верном, по его мнению, выборе пути послевоенного развития западными странами.

2) Тактика презентации – адресант представляет иные лица или события в положительном ключе перед аудиторией. Особенностью этой тактики является то, что автор рассказывает о положительных качествах и действиях представляемого объекта посредством лексических единиц с положительной коннотацией.

Во время выступления в Вестминстерском колледже города Фултон в марте 1946 года премьер-министр Великобритании обратился к президенту США со следующими словами:

«Amid his heavy burdens, duties and responsibilities – unsought but not recoiled from – the President has traveled a thousand miles to dignify and magnify our meeting here to-day and to give me an opportunity of addressing this kindred nation, as well as my own countrymen across the ocean, and perhaps some other countries too» [13].

Уинстон Черчилль характеризует президента Соединенных Штатов в положительном ключе, благоприятно отзываясь о его личных качествах. Для этого оратором активно используются лексические единицы с положительной коннотацией. Так, У. Черчилль обозначает безграничную ответственность перед своим народом как ключевую черту характера президента («*Amid his heavy burdens, duties and responsibilities*»).

3. В рамках политического дискурса, когда адресант пытается не только донести информацию до адресата, но также и поменять его мировоззрение, убедить его совершить определённые действия в своих интересах, «*стратегия театральности*» принимает особую значимость в речах политических деятелей. Воздействие на адресата, как правило, реализуется за счет эмоциональных лингвистических средств выражения. В данной стратегии используются следующие виды тактик:

1) Тактика побуждения – это определенная речевая модель, в рамках которой адресант, чтобы убедить слушателей в правильности своей точки зрения, призывает их к совершению определённых действий. Тактика побуждения, как правило, сочетается с другими тактиками, например, с тактикой самопрезентации [4].

Так, в 1949 году в Палате общин Уинстон Черчилль заявил следующее по поводу так называемой воздушной блокады Берлина: «*I thought that was worth all the speeches that could have been made by all the peace leaders of Europe to turn the eyes of Germany to where her true destiny lies: namely, in peaceful and honourable association with the Western democracies and with the future into which they hope to lead the world under the auspices of the United Nations organization*» [14].

Уинстон Черчилль применил в своем послании совокупность таких тактик, как тактика презентации, давая положительную оценку действиям британского и американского правительств по доставке продовольствия жителям Германии, и тактика побуждения с целью убедить немецкий народ

принять «западные демократические ценности» под эгидой Организации Объединенных Наций («*they hope to lead the world under the auspices of the United Nations organization*»). Для успешной реализации воздействия британский политический деятель обратился в своей речи к самым острым на тот момент времени вопросам для граждан послевоенной Германии.

2) Тактика размежевания – реализуется при построении выступающим оппозиционной модели «свои-чужие». Адресант стремится отдалиться от позиции оппонента и донести адресату свою позицию, в которой он всячески осуждает деятельность оппонента, его мировоззрение или высказывания.

Показательна в этом плане речь, произнесенная У. Черчиллем в связи с началом ядерной гонки: «*The question is asked: What will happen when they get the atomic bomb themselves and have accumulated a large store? You can judge yourselves what will happen then by what is happening now. If these things are done in the green wood, what will be done in the dry?*» [15].

Политический деятель однозначно выделил две группы действующих субъектов – «свои» (Америка и Британия) и «чужие» (Советский Союз), где «чужие» представляют угрозу, а «свои» пытаются им противостоять. При использовании лексических единиц с негативной коннотацией политик дискредитирует противника перед своими слушателями. Используя данное противопоставление, адресант оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию и наиболее эффективным способом реализует свою политическую коммуникацию.

Политический дискурс Уинстона Черчилля отражает объективную реальность того исторического периода, в котором произошли события двух мировых войн, за которыми последовали послевоенное восстановление Европы, Холодная война и потеря Великобританией статуса великой державы. С точки зрения коммуникативной стратегии и тактики убеждения языковая личность Уинстона Черчилля заключается в том, что он в своих

высказываниях и выступлениях умел свободно оперировать любыми рассматриваемыми стратегиями для достижения поставленных целей.

Выбор лексических средств любого политического адресанта в дискурсе, в первую очередь, определяется прагматической направленностью таких средств для реализации целей убеждения и создания положительного имиджа политика. Черчиллю всегда было что сказать, и согласно поставленной цели – убедить слушателя.

Список литературы

1. *Воронцов Д.Ф.* Государственная политика: понятие, виды, соответствие праву и справедливости как элемент решения проблем современной экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 3 [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-ponyatie-vidy-sootvetstvie-pravu-i-spravedlivosti-kak-element-resheniya-problem-sovremennoy-ekonomiki> (дата обращения: 19.11.2020).
2. *Зайцев А.В.* Лингвополитология VS Политическая лингвистика: возможен ли диалог? // Litera. – 2012. – № 1. – С. 25-81. DOI: 10.7256/2306-1596.2012.1.150 [Электронный ресурс]: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=150 (дата обращения: 18.11.2020).
3. *Гаджиев К.С.* Политическая философия. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999.
4. *Акопова Д.Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник ННГУ. – 2013. – № 6-1 [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 18.11.2020).
5. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
6. *Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селиверстова Л.И.* Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. – 2009. – № 1-2. – С. 50-57.
7. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры: диссертация доктора филол. наук. – М., 1999. – 338 с.
8. *Башмакова Н.И., Палий О.Л.* Вербальный этикет: генезис и развитие понятия в исторической ретроспективе // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – Т. 19. – № 6. – С. 3-10.
9. *Михалева О.Л.* Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. – 256 с.
10. Winston Churchill 'The locust years', on UK appeasement and inaction [Электронный ресурс]: URL: <https://speakola.com/political/winston-churchill-the-locust-years-1936> (дата обращения: 19.11.2020).

11. Winston Churchill Socialism is the philosophy of failure [Электронный ресурс]: URL: <https://churchill.pw/socialism-is-the-philosophy-of-failure.html> (дата обращения: 20.11.2020).

12. Winston Churchill 'We must not lose hope' [Электронный ресурс]: URL: <https://churchill.pw/we-must-not-lose-hope.html> (дата обращения: 20.11.2020).

13. Winston Churchill The Sinews of Peace (Iron Curtain Speech) [Электронный ресурс]: URL: <https://churchill.pw/the-sinews-of-peace-iron-curtain-speech.html> (дата обращения: 20.11.2020).

14. Winston Churchill The Berlin Airlift [Электронный ресурс]: URL: <https://churchill.pw/the-berlin-airlift.html> (дата обращения: 21.11.2020).

15. Winston Churchill What will happen when they get the atomic bomb? [Электронный ресурс]: URL: <https://churchill.pw/what-will-happen-when-they-get-the-atomic-bomb.html> (дата обращения: 21.11.2020).

© Кириллов Ф.П., 2020

УДК 821.581

DOI: 10.46987/1222122020_37

Т. И. Кондратова, Ю. В. Алешкина
T. I. Kondratova, Yu. V. Aleshkina

**ЗАГАДКИ ИСТОРИИ КНИГИ
ЦЯНЬ ЧЖУНШУ «ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ»**

**MYSTERIES OF THE HISTORY OF THE BOOK
«THE BESIEGED FORTRESS» BY QIAN ZHONGSHU**

Аннотация. В работе исследуется история бытования в общественном сознании романа «Осажденная крепость» китайского писателя Цянь Чжуншу, выясняются причины его популярности, забвения и нового шумного успеха. Исследуются факторы, влияющие на восприятие книги в разные эпохи. Показана связь коллективного сознания с господствующей в обществе идеологией. История книги в данном случае демонстрирует процессы изменения в коллективном сознании китайского общества, начиная с 40-х годов XX столетия и заканчивая началом века XXI.

Annotation. The work examines the history of the existence of Chinese writer Qian Zhongshu's novel «The Besieged Fortress» in the public consciousness, reveals the reasons for its popularity, oblivion and new noisy success. The factors influencing the perception of the book in different times are investigated. The connection between the collective consciousness and the dominant ideology in society is shown. The history of the book in this case demonstrates the processes of change in the collective consciousness of the Chinese society from the 1940s till the beginning of the XXI century.

Ключевые слова: китайская литература, культурное пространство, Цянь Чжуншу, автобиографизм, проблема героя, факторы популярности.

Keywords: Chinese literature, cultural space, Qian Zhongshu, autobiography, problem of the character, factors of popularity.

Функционирование книги в культурном пространстве тесно связано с проблемами герменевтики – теории истолкования произведения. Загадки необыкновенной популярности или же, наоборот, забвения той или иной книги в разные исторические периоды, безусловно, зависят от восприятия в обществе произведения через призму доминирующей в нем проблемы.

Причем сам характер этой проблемы напрямую связан с коллективным сознанием эпохи, с господствующей идеологией и политической ситуацией.

История периодов популярности и забвения книги китайского писателя Цянь Чжуншу (1910 – 1998) наглядно демонстрирует процессы изменения в коллективном сознании китайского общества, начиная с 40-х годов XX столетия и заканчивая началом века XXI.

«Осажденная крепость» – единственный крупный роман Цянь Чжуншу (другой его роман «Сердце лилии» не был закончен, а впоследствии был утерян). Работа над ним началась в 1944 году, к 1946 году роман был закончен. Впервые он был опубликован в 1947 году шанхайским издательством «Рассвет», через два года был переиздан. Увидев свет, он быстро набрал популярность и принес автору шумный успех и мировую славу [2, с. 374]. Факторы, объясняющие его популярность среди разных слоев читателей, различны.

Актуальными для того времени были проблемы взаимодействия Китая с Западом, противоречивое отношение китайской интеллигенции к вестернизации образования и культуры в целом. Ведь в конце 1940-х годов уже можно было увидеть определенные плоды этого взаимодействия. И если еще один китайский роман XX века, – «Цветы в море зла» Цзен Пу, – представляет скорее отрицательные, хоть и неизбежные, последствия этого взаимодействия, то взгляд Цянь Чжуншу отличается широтой и объективностью. Мы видим погружение главного героя в западную культуру, в искусство Европы – погружение заинтересованное и бескорыстное.

И решение любовной темы в романе тоже отличается новизной и актуальностью. Правомерно ли сохранение традиционных для Китая договорных браков в изменившемся мире? Как меняет сознание героя склонность к заимствованным на Западе флиртам? В чем плюсы и минусы женской эмансипации – этого опять же неизбежного процесса преобразования китайского общества, начавшегося после Синьхайской революции? Все эти

вопросы, поднятые в книге, не могли оставить равнодушными читателей, ибо книга объективно отражала современную на тот момент жизнь.

И, несомненно, Цянь Чжуншу удалось создать новый тип героя, ведь при всех недостатках Фан Хунцзянь вызывает симпатию! Это часто ошибающийся, заблуждающийся герой, но ищущий и меняющийся под влиянием обстоятельств.

Все эти темы искусно переплетены в произведении, ведь «Осажденная крепость» – не просто любовный роман: его содержание многосторонне, охватывает различные области и темы общественной жизни. Многие ключевые фразы романа образованы от иностранных пословиц и изречений, которые главные герои привезли из-за границы и используют в речи. Например, супружество сравнивается с золотой птичьей клеткой, птицы внутри нее хотят вырваться на свободу, те же, что снаружи, заглядываются на ее блеск и хотят попасть внутрь. Так и с браком: кто был в нем, хочет сбросить с себя это бремя, те же, кому не удалось испытать на себе замужества, хотят вступить в брак, и так без конца. Образ осажденной крепости в романе, бесспорно, связан с идеей супружества: кто внутри, тот пытается вырваться наружу, а кто снаружи, тот хочет попасть вовнутрь. Но если вникнуть глубже в идею романа, то можно понять, что под осажденной крепостью Цянь Чжуншу подразумевает не только брак. Это словно тупик, безвыходное положение, и эта идея проходит через все повествование. Главный герой Фан Хунцзянь признается, что у него теперь «обо всем, что в жизни ни случается, остается такое ощущение» [4].

В книге много изгибов сюжета и событий, и смысл, заложенный Цянь Чжуншу, выходит за рамки сферы брака и находит отклик в других областях. В романе описаны стремление к цели, успех и разочарование, приходящее вслед за этим пресыщение, противоречие и душевные метания, изменение предубеждений и переплетение надежды и отчаяния, радости и страдания, упорства и сомнений – из этого всего и состоит человеческая жизнь. Читатель

понимает, что то, за чем человек гонится в жизни, на самом деле эфемерно – это лишь вымысел, иллюзия. Конечно, это весьма пессимистичный взгляд на мир, хотя под ним, бесспорно, иногда можно увидеть мерцающую надежду. Книга заставляла читателей думать, учиться делать собственный выбор в изменившемся мире, когда одно лишь следование традициям уже не может определить путь человека.

Судьба книги Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» тоже окажется богатой на изгибы и резкие повороты: после образования Китайской Народной Республики в 1949 году она будет фактически вычеркнута из истории литературы Китая, как и многие другие произведения. После 1949 года роман не переиздавался по политическим причинам ни в материковом Китае, ни на Тайване, только в Гонконге ходили пиратские копии, и книга постепенно вышла из поля зрения читателей [6]. А сам Цянь Чжуншу отдалился от творчества и с головой ушел в науку. Он преподавал в университете, занимался проблемами литературоведения и истории литературы, работал над «Антологией эпохи Сун».

Это было время больших перемен – радикально менявшаяся действительность требовала от авторов изменения подходов в литературе. Молодежь, по мнению правительства, нуждалась в идейных книгах, которые изображали бы светлое, прекрасное будущее, строительство нового, социалистического Китая. Обращаться к событиям прошлого было излишним. Многие книги возвращались на книжные полки, о них забывали. Некоторым авторам удавалось подстраиваться под быстро меняющуюся ситуацию и предлагать читателям то, что было актуально на тот момент. К сожалению, большому числу одаренных писателей не нашлось места в литературе молодой Народной Республики. Потом в жизни Цянь Чжуншу были арест и ссылка в деревню. Об этом писала его супруга Ян Цзян, – китайская писательница, переводчица и драматург, почётный член Академии общественных наук КНР, – в эссе, посвященном жизни и творчеству ее мужа [5].

Книга разделила судьбу всей настоящей литературы, вычеркнутой из сознания массового читателя. Слишком силен был в ней интерес к личности человека, к его внутренним, а не внешним (политическим) проблемам.

Однако, временно позабытая в Китае, книга тем не менее в 60-е годы XX века вошла в мировую литературу – китаист Ся Чжицин, проживавший в Америке, в книге «История современной китайской прозы» (《中国现代小说史》; «A History of Modern Chinese Fiction») дал «Осажденной крепости» высокую оценку, что вновь привлекло внимание научного и читательского сообщества к данному роману [6].

И только после окончания «Культурной революции» и начала периода реформ книга вновь вернулась к читателям. В 1980 году, после внесения автором поправок, китайское издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» наконец-то издало «Осажденную крепость». Вслед за премьерой одноименного сериала, созданного по роману, книга стала вновь завоевывать признание и набирать популярность. Оценка романа обычно тяготеет к двум полюсам: одни делают акцент на находчивом, юмористическом стиле языка, другие – на важных наблюдениях за жизнью и анализе человеческих пороков. В данном романе читатель улавливает между строк мощь, монолитность знаний автора по мировой и китайской культуре. С 1990-х годов появляется множество мнений о данном произведении, в том числе и негативных. Например, некоторые исследователи и критики считают, что, хотя роман и выделяется из общей массы произведений, но сам по себе он не является выдающимся [6].

Новый этап популярности «Осажденной крепости» продолжается до сегодняшнего дня. Для многих сегодня «Осажденная крепость» – это современная «Неофициальная история конфуцианства», потому что в романе Цянь Чжуншу не просто высмеивает новую интеллигенцию, которая, отринув старые традиции, еще не сформировала свое новое мировоззрение. Мы видим, что материал для сатиры находится в самом обществе и в человеческой

природе, а также определяется авторским мировосприятием. Цянь Чжуншу – сам по себе редкостный талант, стопроцентный ученый. Он ревностно и с глубоким почтением относится к науке, в которой он не терпит ни капли фальши и ухищрений. Под его пристальным взором любой так называемый «липовый ученый» сконфузится и замкнется в себе [4].

Например, автор часто высмеивает в романе такого псевдоученого, как Ли Мэйтин, который носит с собой металлическую коробочку с визитками. Когда такой «учитель-ремесленник» переписывает карточки, он может заслуживать в какой-то степени и похвалы, но, по мнению Цянь Чжуншу, это смешно, когда человек никак не развивает свои знания, а просто прочел определенное количество книг, тогда как мышление его все равно осталось ограниченным.

Сатира в «Осажденной крепости» по большей части основана на столкновении восточной и западной культур. Это и становится одним из главных объектов изображения в романе. Во-первых, с точки зрения современности рассматриваются некоторые недостатки традиционной китайской культуры, например, описывается закостенелость мышления отца Фан Хунцзяня. В старой литературе, которую он рекомендует, характер китайцев изображается как прямолинейный, поэтому они говорят, что Земля квадратная, характер же иностранцев, наоборот, – как изворотливый, потому они и считают, что Земля, дескать, круглая. Также высмеивается и слепое подражание Западу: портной, который скопировал фасон западного костюма, на рукава и брюки поставил заплаты [4].

В романе высмеивается слепое, бездумное перенятие, заимствование друг у друга культурами Востока и Запада различных элементов. Например, Фан Хунцзянь во время выступления в средней школе своего родного края сказал, что пройдет несколько сотен лет, и в китайском обществе сохранятся только две бессмертные вещи, взятые с Запада – это опиум и сифилис, которые были заимствованы в эпоху династии Мин [1, с. 16]. Комически выглядит в

романе и система прикрепления преподавателей к студентам наподобие тьюторства – очевидны ее недостатки и несостоятельность.

Но самое главное в сатире «Осажденной крепости» – это так называемая «анатомия», вскрытие тайных движений человеческой души. Например, Фан Хунцзянь не окончил несуществующий к тому же Крэйдонский университет, но получил поддельный диплом доктора наук. Мы видим мошенничество, беспомощность перед лицом реальной обстановки и жизненных обстоятельств.

Характеры героев проявляются в мелочах: Ли Мэйтин тайком ест жареный батат; Лу Цзысяо запугивает других письмами из министерства национальной обороны и министерства иностранных дел; мисс Фань на ломаном английском языке подделывает авторскую подпись на книге, которую автор якобы преподнес ей. Психологизм, изображение скрытых движений человеческого характера, а также ирония и сатира позволили Цянь Чжуншу показать множество проявлений людских пороков.

И читатель начинает задумываться, что подчас данные пороки присущи не только книжным героям, но и реальным людям вокруг и даже им самим. Словно бы в лице героев они начинают видеть отражение собственных черт. В «Осажденной крепости» герои высмеивают друг друга и в то же время смеются над собой, своими страстями и пороками.

Кроме тех пластов художественного мира произведения, о которых мы уже говорили (новые веяния в китайской жизни, сатирический взгляд писателя на современный ему мир и т. д.), следует обратить внимание на тот, на первый взгляд, незаметный исторический фон, на котором и разворачиваются все основные события произведения. Рассказ о жизни героя в годы японской оккупации, созданный человеком, который был свидетелем тех событий, явно расходится с общепринятой точкой зрения, отразившейся во многих произведениях китайской художественной литературы, в том числе и современной. Традиционны изображения ужасов войны, страшной

жестокости захватчиков, хаоса и безысходности, горечи переживаний простых людей за судьбу своих родных и своей Родины. В предисловии к русскому изданию «Осажденной крепости» переводчик В. Сорокин пишет: «Только что началась агрессия японских милитаристов против Китая, но Фану некогда думать о судьбах Родины: как и большинство людей его круга, он занят собственными интересами, хочет найти свое счастье...» [3, с. 1]. В разговоре главных героев редко появляется военная тема: возможно, они не до конца осознают нависшую над Китаем опасность, каждого заботит своя жизнь, свои хлопоты. Также это может быть связано и с тем, что в Китае того времени не существовало всеобщей воинской повинности, мобилизация не касалась людей с высшим образованием.

Все события романа происходят на фоне японской интервенции, но в провинции война ощущалась слабо, да и героев эти события волновали недостаточно сильно. Нет ничего удивительного и в том, что в оккупированном Шанхае герои свободно передвигаются из одной части города в другую – город включал в себя международный сеттльмент и французскую концессию, которые до 1941 года были свободны от оккупации [3, с. 9]. Вообще, многим героям – и ученым университетским мужам, и неученым снохам Фана – всем оккупация Шанхая дала возможность прихвастнуть, приписывая себе задним числом и роскошные особняки, и ценные библиотеки, и просто большое приданое, одним словом, былое состояние, в один миг уничтоженное японцами. Военная тема здесь, безусловно, неглавная, но даже проходя фоном (упоминания о бомбардировках, о создании прояпонского правительства, об уходе некоторых известных людей в «подполье»), она создает образы времени, растерянного поколения, не имеющего четкой жизненной позиции.

Так что же более всего привлекает современного читателя в романе «Осажденная крепость»? Популярность его сегодня бесспорна – приезжающие на стажировки в Москву китайские студенты, как правило,

именно эту книгу называют одной из самых известных и любимых. Одних привлекает сатира и юмор, которыми блестяще владеет автор, изображая человеческие недостатки и пороки общества; другим интересна объективная, не окрашенная политическими предпочтениями картина Китая до образования КНР.

На наш взгляд, одним из важнейших факторов, определяющих интерес к роману, является создание писателем именно нового типа героя, который не подходит под определение положительного или отрицательного. Суть авторского отношения к Фан Хунцзяну может прояснить вопрос об автобиографизме романа. Материал для произведения Цянь Чжуншу собирал по крупицам, черпал его из своего ему времени, из знакомых мест, наблюдений на жизнь различных социальных классов. Действующие лица и обстоятельства, с ними произошедшие, в художественном произведении – это, безусловно, авторский вымысел, однако питается этот вымысел впечатлениями самого автора, часто его жизненным опытом. И хотя в чертах героев и просматривается след реальных людей, но они, как и описанные события, – выдумка писателя.

По мнению жены писателя Ян Цзян, главного героя Фан Хунцзяня Цянь Чжуншу писал с двух своих родственников – одного с большими амбициями и скудными способностями, вечно встревоженного, а другого – высокомерного, любящего бахвалиться и петь самому себе дифирамбы. Причем они оба читали «Осажденную крепость», но никто из них не признал в Фан Хунцзяне себя, потому что у них никогда не было такого жизненного опыта [7].

Однако знакомство с биографией писателя, созданной его женой Ян Цзян [5], убеждает нас, что автобиографический пласт романа довольно обширен. Многие жизненные маршруты автора и его героя совпадают: получение образования за границей, учеба в Оксфорде, возвращение в Китай накануне оккупации, преподавание в провинциальном университете. Писатель

добавил в роман ситуации своей личной жизни: например, долгое ожидание письма с приглашением на преподавательскую работу. И, конечно же, эссе Ян Цзян наглядно показывает, какие черты характера, личные качества автора и его героя почти тождественны, а какие – кардинально отличаются. Бесспорно, Цянь Чжуншу и его герой Фан Хунцзянь по-разному относились к процессу освоения мировой культуры: для автора романа было характерно серьезное, глубокое погружение в мир литературы и искусства, тогда как его герой только поверхностно прикоснулся к этому пласту человеческих знаний, возможно, в силу некоторой юношеской ветрености, но никак не ограниченности и не безразличия. А вот склонность к компромиссу, страх перед конфликтными ситуациями, сыновняя покорность, переходящая в зависимость – этими чертами характера самого Цянь Чжуншу оказался наделен и его герой Фан. Эта известная доля автобиографизма в романе и повлияла на восприятие образа главного героя: обладающий многими недостатками, он все же привлекает читателей своей неоднозначностью, желанием разобраться в окружающем его мире и, бесспорно, вызывает сочувствие как человек, оказавшийся внутри «осажденной крепости».

Таким образом, загадка большой популярности романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» сразу после его первой публикации, а затем с начала периода открытости и реформ в Китае объясняется его глубоким содержанием, разнообразием социальных, нравственных, эстетических проблем, искусно переплетенных автором в сюжете, тонким юмором и разоблачающей пороки сатирой, но главное – новым типом героя, внутренний мир которого раскрыт благодаря глубокому и тонкому психологизму. Причины забвения романа на протяжении нескольких десятилетий носят политический и идеологический характер, поскольку сам тип героя и авторское доброе отношение к нему не соответствовали идеям, доминировавшим в тот период в обществе.

Список литературы

1. Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. Роман; Рассказы. Перевод с китайского [и вступительная статья, с. 5-20] В. Сорокина. – М.: «Художественная литература», 1989. – 509 с.
2. Попов О.П. Китайская литература. – М.: ООО «АРТКРАС», 2012. – 512 с.
3. Сорокин В. Предисловие // Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. Роман; Рассказы. Перевод с китайского [и вступительная статья, с. 5-20] В. Сорокина. – М.: «Художественная литература», 1989. – С. 5-20.
4. 百度百科[Электронный ресурс]: URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%B4%E5%9F%8E/2068378> (дата обращения: 27.09.2020).
5. 钱钟书, 民国第一毒舌, 元培学堂, 2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/37993414> (дата обращения: 27.09.2020).
6. 围城 (小说), 维基百科[Электронный ресурс]: URL: [https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%9B%B4%E5%9F%8E_\(%E5%B0%8F%E8%AF%B4\)](https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%9B%B4%E5%9F%8E_(%E5%B0%8F%E8%AF%B4)) (дата обращения: 27.09.2020).
7. 温儒敏, 从不同层面理解--怎样读钱钟书的《围城》, 2016. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ruiwen.com/news/39520.htm> (дата обращения: 27.09.2020).

© Кондратова Т.И., Алешкина Ю.В., 2020

УДК 821. 581

DOI: 10.46987/1222122020_48

Т. И. Кондратова, Т. В. Латария
T. I. Kondratova, T. V. Lataria

**ПОВЕСТЬ ЛАО ШЭ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЯО ПО»:
МЕСТО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
ПИСАТЕЛЯ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ
КИТАЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**LAO SHE'S NOVEL «XIAO PO'S BIRTHDAY»:
THE PLACE OF THE WORK IN THE WRITER'S WORK
AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF CHINESE
CHILDREN'S LITERATURE**

Аннотация. В статье рассматриваются проблема становления китайской детской литературы и роль в этом процессе повести-сказки классика китайской литературы XX века Лао Шэ. Определяются влияние на детское творчество писателя произведений китайской классической и зарубежной литературы, а также приемы, с помощью которых автору удается взглянуть на мир глазами ребенка.

Annotation. The article deals with the problem of the formation of Chinese children's literature and the setting in this process of the tale of the classic of Chinese literature of the 20th century Lao She. The author defines the processes of influence on the children's creativity of the writer of the works of the Chinese classical and foreign literature, as well as the techniques with which it is possible to look at the world through the eyes of a child. The author's democratic and humanistic view of the peaceful in a work for children is affirmed.

Ключевые слова: история книги, детская литература, литература Китая, Лао Шэ, отстранение, межнациональный конфликт, гуманизм.

Keywords: history of the book, children's literature, Chinese literature, Lao She, interethnic conflicts, humanism.

Процесс бытования во времени, в литературном процессе произведений, созданных писателями непосредственно для детской аудитории, – явление сложное и неоднозначное. Порою в круг детского чтения прочно входят книги, которые писались без учета потребностей детского восприятия. В мировой детской литературе таких примеров предостаточно – это сказки Александра

Сергеевича Пушкина, Вильгельма Гауфа, ранние произведения Ганса Христиана Андерсена, которые он писал отнюдь не для детской аудитории. С другой стороны, в мировой детской литературе есть произведения, созданные специально для детей, о чем авторы сами сообщают читателям, или же об этом говорят истории их создания. Можно вспомнить «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, содержащего многие положения философии экзистенциализма, однако автор создавал книгу специально для французских детей, о чем свидетельствует посвящение в ее начале [11]. Можно привести в пример и повесть-сказку Михаила Пришвина «Кладовая солнца», написанную специально для детей, принимавшую участие в конкурсе детской книги, но пронизанную глубокой пришвинской натурфилософией. Такие произведения вводятся в круг детского чтения школьными программами, однако их проблематика и художественный мир понятны и интересны больше взрослым, нежели юным читателям.

В данной работе мы постараемся определить художественные особенности сказки-повести Лао Шэ «День рождения Сяо По» и ее особое место в творчестве этого классика китайской литературы XX века.

Следует заметить, что развитие детской литературы в Китае имеет существенные отличия от процесса становления детской литературы в Европе. История китайской детской литературы начинается с позднего периода правления династии Цин – с начала XX века. Это было связано с тем, что в страну с изолированной до этого времени культурой начали проникать произведения европейской детской литературы, которые и дали толчок к появлению самобытной китайской детской литературы. До этого момента дети могли читать лишь адаптированные конфуцианские каноны, которые им приходилось учить наизусть [12].

На процесс развития детской литературы в Китае повлияли такие писатели, как Лу Синь, его брат Чжоу Цзожэнь, Е Шэнтао, Цао Вэньсюань и другие. На поприще создания детской литературы пробовали себя многие

авторы, в том числе известный китайский писатель XX века Лао Шэ (1899 – 1966). Его произведения, наполненные патриотизмом и отличающиеся мягкой, но изобличающей сатирой, завоевали признание у читателей во многих странах мира.

Что же подтолкнуло писателя обратиться к творчеству для детей? Лао Шэ прожил некоторое время в Англии, где познакомился с произведениями западных и русских классиков. Однако там писатель практически ничего не заработал – денег хватило лишь добраться до Сингапура, где он получил место учителя китайского языка в одной из местных китайских школ. Лао Шэ был поистине впечатлен трудолюбием и упорством китайцев, которые в этих качествах ничуть не уступали европейцам. Несмотря на это, писатель не перестал видеть недостатки и проблемы своих соотечественников. Не расставаясь с идеей написать что-нибудь о Сингапуре, Лао Шэ приступил к созданию повести-сказки «День рождения Сяо По» [8, с. 3]. Из-за изнурительной жары работа шла очень медленно, хотелось «выйти полежать на травке, глядеть на звезды и никогда не двигаться» [5, с. 178].

Повесть была закончена уже в Шанхае, а затем опубликована в журнале «Сяошо юэбао» с 10 января по 19 апреля 1931 года. По мнению самого Лао Шэ, именно в этом произведении его литературный язык достиг полной зрелости [5, с. 179].

Лао Шэ относился к той части китайской интеллигенции, которая с радостью восприняла изменения в духовной жизни китайского общества, произошедшие после падения Цинской монархии. В частности, отказ от древнего китайского языка – вэньяня – способствовал демократизации процессов обучения, а отказ от изолированности от других стран в системе образования привел к известной вестернизации китайской литературы. Сам Лао Шэ прекрасно знал западноевропейскую и русскую литературы, о чем свидетельствуют постоянные аллюзии и реминисценции, отсылающие читателей к шедеврам мировой литературы. Так, в «Дне рождения Сяо По»

заметно влияние сказки Льюиса Кэрролла, а в более далекой ретроспективе – романа Джонатана Свифта.

Автор использует композиционный прием, характерный для многих произведений мировой детской литературы: обычный герой попадает в необычный, ирреальный мир. Этот прием отстранения дает читателям возможность взглянуть на привычные им явления другими глазами, увидеть ненормальность того, что раньше они считали обыденным, а значит, нормальным. Если Дж. Свифт с помощью этого приема в «Путешествии Гулливера» показал политические интриги в Англии начала XVIII столетия, а Льюис Кэрролл в «Алисе в стране чудес» – нравы викторианской эпохи, то Лао Шэ глазами ребенка, попавшего в необычный мир, изображает проблемы не только китайских эмигрантов, но и социальной и духовной жизни Китая в целом.

В путешествии Сяо По по волшебной киностране, куда он попадает в своем сне, Лао Шэ воплощает детскую мечту об идеальном, – на детский взгляд, – устройстве мира. Это своеобразная детская утопия – жанр, знакомый образованным китайцам по «Персиковому источнику» Тао Юаньмина [9]. Но это именно детский взгляд на мир, на потребности и мечты маленького человека. Сяо По встречает чудаковатого паренька по имени Гулабацзи, который ищет девушку по имени Гоугоу. Согласившись помочь отыскать ее, Сяо По идет вместе с Гулабацзи по Стране Чудес, которая совершенно не похожа на Сингапур – здесь не платят деньги за проезд в трамвае, а наоборот, получают их; за плохой проступок мама не наказывает сына, а награждает его и т. д., и т. п. Изумлению героя в этом эпизоде нет предела, поскольку ломаются все традиционные представления о правилах жизни: «Вот это да! – с завистью воскликнул Сяо По. – Мама, наверное, часто дает брату трамвайные билеты за то, что он шалит, за билеты ему платят деньги, а на деньги можно купить игрушки!» [3, с. 88]. Поистине утопическая картина – в

магазине можно брать в любом количестве абсолютно всё, а у обочины дороги из крана можно налить чай и молоко.

Поиски Гоугоу приводят их к Волчьей горе, где находится Царство обезьян. Аллюзия, возникающая у любого китайского читателя, отсылает нас к одному из шедевров китайской литературы эпохи династии Мин – роману У Чэньэня «Путешествие на Запад», в котором тоже показано общество благоденствия: в Царстве обезьян, благодаря их предводителю Сун Укуну, жители пребывают в радости и полном достатке [10].

Но сон героя являет другую картину и иное отношение правителя к своим подданным. Правителем Обезьяньего царства во сне Сяо По оказывается его одноклассник – Чжан Туцзы. Чтобы удержать власть, он прибегает к такому методу: «Как увижу, что какая-то обезьяна посильнее, любит озорничать и баламутить, я сразу братаюсь с ней, дружу, делаю подарки, а потом внезапно откусываю ей ухо и ниспровергаю! А что касается послушных обезьян, то им при встрече сразу даю затрещины, чтобы, встретив меня, дрожали» [3, с. 96].

Переводчик повести «День рожденья Сяо По» на русский язык В. Семанов считает, что в образе такого правителя Лао Шэ создает едкую сатиру на правящую власть: «Чжан (а этот образ представлял собой очень дерзкую сатиру на тогдашнего китайского предводителя Чан Кайши) заискивает перед сильными, наказывает слабых, устраивает среди обезьян собрания, на которых выступает только сам, и объявляет заранее обреченную на поражение войну волкам. Почему же он так делает? Оказывается, Чжан уверен, что «если не воевать, то тебя перестанут уважать подданные» [3, с. 97].

Однако образ этого героя, на наш взгляд, предполагает здесь более широкое восприятие. Времени создания повести предшествовала так называемая «Эра генералов» или «Эра милитаристов», поэтому Чжан Туцзы здесь воплощает черты любого представителя власти, полагающегося исключительно на физическую и военную силу, а не на право и закон.

Повесть «День рождения Сяо По» – это одно из ранних произведений Лао Шэ, но в нем уже проявились тенденции, присущие его позднему творчеству. Последующие произведения, например знаменитые «Записки о кошачьем городе», станут переломным этапом в творчестве писателя, в них с наибольшей силой проявится талант Лао Шэ как писателя-гуманиста и страстного патриота своей страны [1, с. 126]. Оба упомянутых произведения объединяет сатира на окружающую писателя действительность. Однако «Записки о кошачьем городе» в большей мере отражают ситуацию в самом Китае периода Гоминьдана, в то время как «День рождения Сяо По» повествует о жизни китайцев в Сингапуре. Несмотря на это, многие проблемы, затронутые в обоих произведениях, тесно переплетены между собой. К таким проблемам можно отнести, например, глубокий кризис системы образования.

В повести «День рождения Сяо По» школа предстает как несовершенная, во многом устаревшая система. Сяо По больше интересуют прогулки у моря или даже похоронная процессия, с которой он сталкивается, незаметно убежав с уроков, пока учитель спал. Дети разных национальностей учатся в разных школах – индусы ходят в английскую школу с преподавателями-американцами, малайцы учатся в малайской школе, где «говорят, что в этой школе не учитель учит учеников, а ученики – учителя» [3, с. 39], а некоторые дети только вносят плату за обучение. В ответ на недоумение Сяо По, почему все не могут ходить в одну и ту же школу, взрослые отвечают, что это запрещено.

В «Записках о кошачьем городе» с помощью приема отстранения показана уже полная деградация системы образования. День поступления людей-кошек в школу считается одновременно и днем окончания университета, а ученые занимаются проблемами, которые не имеют никакого отношения к науке. В Кошачьем государстве, в котором Лао Шэ сатирически изобразил свою Родину, больше всего ценятся деньги и власть, а культура и образование давно изжили себя и не представляют никакой ценности. После

окончания школы новоиспеченные молодые умы могут идти работать либо чиновниками, либо учителями, однако получить высокую чиновничью должность практически невозможно без связей или влиятельных родственников [1, с. 110].

В финалах обоих произведений и на Обезьянье царство во сне Сяо По, и на Кошачий город нападают враги. Начатые сражения выглядят нелепо, поскольку ни в том, ни в другом сказочном царстве войска не могут нормально отразить агрессию. Стоит Чжану Туцзы отдать приказ идти на запад, как его солдаты поворачивают на восток, ведь там более безопасно, а конники просят перевести их в пехоту, лишь бы избежать опасных участков фронта [3, с. 104]. Не сумев дать отпор врагу, Чжан предлагает «сменить фильм» – и тут внезапно всё исчезает, а сам он из царя обезьян превращается в обычного мальчика.

Судьба Кошачьего государства оказалась более плачевной. Утрата человечности и полное безразличие его жителей к своему будущему привели страну к гибели. Картина, навеянная развернувшейся в те годы борьбой китайского народа с японской агрессией, просто апокалиптическая: солдаты бегут с поля боя, бросая своих товарищей, а жертвы тех, кто пытался вразумить остальных, оказались напрасны. Оставшихся в живых кошек завоеватели посадили в клетку, где те и перебили друг друга, тем самым поставив бесславную точку в истории Кошачьего государства.

Главными героями повести Лао Шэ «День рождения Сяо По» являются дети, и главный из них – китайский мальчик по имени Сяо По. Само действие разворачивается в Сингапуре, где, как мы уже говорили, на момент написания повести жил сам писатель. Его обращение к детскому материалу объективно было вызвано тем, что основной круг общения Лао Шэ в то время составляли дети. Кроме этого, он разделял мнение Лу Синя и Е Шэнтао о том, что дети являются надеждой для Китая, «они – свет, они – новая страница истории» [5, с. 179]. Ранее эти же гуманистические идеи еще в XIX веке исповедовал в русской детской литературы Виссарион Григорьевич Белинский, считавший,

что книги обязательно должны быть частью воспитания детей. Их необходимо писать на правильном и чистом языке, просто и умело, без излишеств, поскольку ребенок воспринимает все окружающие предметы сообразно со своими собственными понятиями [2, с. 44].

Хотя повесть написана детским языком и дает видение мира глазами ребенка, в сюжете присутствуют многочисленные аллегории – например, сравнивается жизнь Китая и Сингапура, поднимаются вопросы государственного строительства и межнациональных отношений. Поскольку действие разворачивается в английской колонии, здесь отсутствуют изображения европейских детей, но можно увидеть дружбу между детьми-малайцами, китайцами и индийцами. На дружбу между людьми разных рас и национальностей главный герой, семилетний китайский мальчик Сяо По, оказавшийся с семьей в далеком от Китая Сингапуре, смотрит глазами настоящего интернационалиста: «Какие только люди не живут в Сингапуре! И краснокожие, и желтокожие, и чернокожие, и белокожие! Нигде в мире вы не встретите столько национальностей! И все они встречают Новый год тогда же, когда и Сяо По, поэтому бывает очень весело» [3, с. 23]. Этот детский взгляд дает писателю возможность утвердить естественную для героя и самого автора мысль о равенстве прав, чувств, мыслей людей с разным цветом кожи.

Эта мысль, сегодня являющейся нормой для каждого нравственно полноценного человека, китайским обществом начала XX века воспринималась совершенно по-иному: любой иностранец, вообще человек не китайского происхождения или проживший долго вне Китая, воспринимался сугубо отрицательно. В повести Лу Синя «Подлинная история А-кью» один из героев, вернувшийся из-за границы и впитавший там новые идеи, именуется «заморским чертом» [6, с. 122].

Отдельной критике Лао Шэ подверг рознь между китайцами – выходцами из разных провинций. Так, гуандунцы презирают фуцзяньцев, те в ответ ненавидят гуандунцев, но при этом все вместе китайцы испытывают

неприязнь к малайцам и индийцам. Этому противопоставлена дружба детей разных национальностей, которые лишены традиционных предрассудков взрослых. Подобные предубеждения во многом были следствием строгой конфуцианской морали, которая предполагала иерархичное и избирательное отношение к человеку. Так, индийцы могли работать исключительно сторожами, малайцы – полицейскими, китайцы были лавочниками и предпринимателями, а европейцы – военными [7, с. 85].

Таким образом, Лао Шэ сыграл значительную роль в становлении китайской детской литературы, по сути, заложив ее основы. Несмотря на то, что писатель хотел создать повесть-сказку для детей, в ней оказались затронуты острые социальные и политические вопросы, а также обличались нравы современного писателю Китая. Используя прием отстранения, дающий возможность увидеть мир глазами ребенка, Лао Шэ донес до читателей свой гуманистический взгляд на мир. Писатель соединил в детском произведении традиции классической китайской и иностранной литературы, наполняя заимствованные формальные приемы новым оригинальным содержанием. Темы, поднятые в ранней повести-сказке «День рождения Сяо По», перекликаются с проблематикой всего последующего творчества Лао Шэ – классика китайской литературы XX столетия.

Список литературы

1. *Антиповский А.А.* Раннее творчество Лао Шэ. – М.: «Наука» 1968. – 186 с.
2. *Белинский В.Г.* О детской литературе и детском чтении. – М.: «Юрайт», 2019. – 199 с.
3. *Лао Шэ.* День рождения Сяо По. История небесного дара. – М.: «Детская литература», 1991. – 302 с.
4. *Лао Шэ.* Записки о кошачьем городе. – М.: ИВЛ, 2014. – 576 с.
5. *Лао Шэ.* Как я писал «День рождения Сяо По» // Полное собрание сочинений Лао Шэ. – Пекин: Изд-во «Жэньминь вэньсюэ», 1999. – Т. XVI. – С. 176-181.
6. *Лу Синь.* Подлинная история А-кью // Лу Синь. Повести и рассказы. – М.: «Художественная литература», 1971. – С. 101-139.
7. *Родионов А.А.* Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века. – СПб.: Изд-во «Роза мира», 2006. – 263 с.
8. *Семанов В.* Лао Шэ и его герои // День рождения Сяо По. История небесного дара. – М.: «Детская литература», 1991. – С. 3-8.
9. *Тао Юаньмин.* Персиковый источник // Китайская классическая поэзия. – М.: «Художественная литература», 1984. – С. 123-131.
10. *У Чэнъэнь.* Сунь Укун – Царь обезьян. – М.: «Художественная литература», 1982. – 752 с.
11. *Сент-Экзюпери Антуан де.* Маленький принц. – М.: ЭКСМО, 2020. – 128 с.
12. *胡从经.* 晚清儿童文学钩沉. – 少年儿童出版社, 1982. – 247 с.

© Кондратова Т.И., Латария Т.В., 2020

УДК 811.111-26

Д. М. Куликова

**ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ФУНКЦИИ
ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ Н. ГЕЙМАНА
«АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»**

Аннотация. В статье раскрываются термины «интертекстуальность», «интертекст», рассматривается классификация основных эксплицитных и имплицитных фигур (форм) интертекстуальности. Статья направлена на раскрытие особенностей функционирования форм интертекстуальности в художественном тексте. Помимо этого, в работе приводятся наглядные примеры диалогов и отсылок из романа Нила Геймана «Американские боги».

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, аллюзия, референция, плагиат, цитата, Нил Гейман.

Появившись в эпоху постмодернизма, в период активного проникновения Интернета в современное общество и науку, понятие интертекстуальности стало активно использоваться в лингвистике для раскрытия межтекстовых связей.

Понятия «интертекстуальность» и «интертекст» позволили филологам не только сформулировать, но и тщательно разработать категориальный аппарат для описания межтекстовых связей.

Основой для теории межтекстовых связей во многом послужили идеи Михаила Бахтина о «чужом слове» [1, с. 24]. Суть их сводится к тому, что авторы текстов нередко отсылают читателя к историческим событиям, произошедшим давно, к героям художественных произведений прошлого, к их чертам характера, к мифам, сказкам и легендам. Подчас авторы произведений используют имена известных личностей и названия известных мест для описания характеристик современного персонажа или объекта, для освещения

мотивов поведения людей. Таким образом, выстраивается своеобразный диалог между автором, его героями и читателем.

Как отмечал И. П. Ильин, «интертекстуальность, в которую погружают себя постструктуралисты, мыслится ими как буквальное существование в других текстах, человек представляется суммой запечатленных в его сознании «текстов»» [2, с. 224 – 225].

В 1967 году французская исследовательница литературы и языка Юлия Кристева, взяв за основу концепцию М. М. Бахтина, сформулировала сам термин «интертекстуальность» [3, с. 5]. Ю. Кристева поясняет термин «интертекстуальность» следующим образом: «для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [2, с. 224 – 225]. С этого времени термин «интертекстуальность» стал одним из основных при анализе литературы постмодернизма.

М. М. Бахтин намечает в своей научной концепции объяснение «интертекстуальности»: различные смыслы, возникшие в давние времена, определенно, претерпевают изменения в процессе развития других, последующих диалогов. Культура сохранила в себе огромное разнообразие смыслов, которые выносятся на поверхность по мере развития общества, что порождает новые диалоги.

Интертекстуальность – это своего рода открытость текста, благодаря которой он способен вступать в диалог, в коммуникацию с другими текстами. Фигуры интертекстуальности хорошо раскрыты в произведениях Нила Геймана – британского автора более тридцати книг и графических романов для взрослых и детей. По некоторым из них были сняты телесериалы и фильмы; именно Нил Гейман написал сценарий к «Доктору Кто» совместно с Терри Пратчеттом и Дэйвом МакКином. Будучи культовой фигурой современной литературы, он смог затронуть сердца и души многих людей.

Выбор романа «Американские боги» (2001) Нила Геймана в качестве материала анализа интертекстуальности мотивирован совершенно уникальной атмосферой, в которой сосуществуют мистика, мифы, фантастика и история. С позиции открытости текста, символичности и присущей данному автору способности в нужный момент воссоздать и направить читателя к давно забытым смыслам, данное произведение можно проанализировать с точки зрения реализации фигур интертекстуальности.

Выделяются следующие элементы (фигуры) интертекстуальности по Н. В. Худолей: «цитата, цитирование (включая текстовую аппликацию), референция (реминисценция) – эксплицитные формы интертекстуальности; аллюзия, плагиат – имплицитные формы интертекстуальности» [4, с. 199 – 202].

1. Цитата, точно передающая информацию, позволяет видеть процесс встраивания одного текста в другой. Существует также текстовая аппликация – особый прием цитирования без ссылки на конкретный источник, своего рода вставка из известного произведения. К цитатам относят метатекстовые включения – заглавия, эпиграфы, поскольку в контексте нового текста они становятся знаком, выражающим новый смысл. В исследуемом романе встречаются, например, следующие строки:

«And then you'll be happy?» asked Low Key Lyesmith.

«Call no man happy,» said Shadow, «until he is dead» [5, с. 4].

Выделенная фраза отсылает нас к словам древнегреческого историка, «отца истории», согласно крылатому выражению Цицерона, – Геродота, который, можно сказать, задал определенный идеологический вектор развитию европейской цивилизации. Данная фраза напоминает читателю, что о жизни человека нельзя судить, пока он не проживет ее до конца. Главный герой прикладывает усилия, чтобы измениться в лучшую сторону, чтобы поменять свои привычки и характер, а фраза великого мыслителя лишь подтверждает рвение героя.

2. Другая форма эксплицитных межтекстовых связей – референция. Цель референции – направить читателя к иному тексту, при этом текст, на который ссылается автор, не приводится дословно. Разновидностью здесь может выступать реминисценция. В качестве реминисценций обычно используются имена собственные, названия прецедентных текстов, ритмико-синтаксические конструкции другого текста, отдельные лексемы.

В этом же произведении мы видим следующие строки:

«The raven cawed from the edge of the clearing.

«You want me to follow you?» asked Shadow. «Or has Timmy fallen down another well?» The bird cawed again, impatiently.

...

«Hey,» said Shadow. «Huginn or Muninn, or whoever you are.»

The bird turned, head tipped, suspiciously, on one side, and it stared at him with bright eyes.

«Say 'Nevermore,» said Shadow» [5, с. 139].

Фраза *«Or has Timmy fallen down another well?»* отсылает к художественному фильму о собаке Лесси. В данной отсылке выражается насмешливое отношение к ворону, который донимает главного героя разговорами «ни о чем», не давая ему сосредоточиться на своих мыслях. С целью проучить, расстроить птицу, герой использует противопоставление «or», а также (далее) фразу *«Say «Nevermore»»*, которая отсылает к стихотворению Эдгара По «Ворон».

Рассмотрим другую фразу: *«I told you I would tell you my names.» ... «I am called Glad-of-War, Grim, Raider, and Third. I am One-Eyed. ... My ravens are Huginn and Muninn, Thought and Memory; my wolves are Freki and Geri; my horse is the gallows.» [5, с. 117].*

Олицетворяя бога Одина, Среда использует фразы, богатые отсылками к скандинавской мифологии. Например, «Huginn or Muninn» (Хугин и Мунин) – пара воронов, которые летают по всему миру и сообщают богу Одину о

происходящих событиях. На древнеисландском «Huginn» означает «мыслящий», а «Muninn» – «помнящий» (или «мысль» и «память» соответственно). Согласно скандинавской мифологии, у Одина, помимо двух воронов, есть еще два волка (Гери и Фреки), которые сопровождают его в странствиях и защищают в битвах. Во время странствий волки двигаются перед верховным богом – разведывают путь. А когда Один восседает на своем троне в Вальгалле, волки смиренно лежат у его ног.

«I'll be there, sir,» said the young man, his pale blue eyes blazing.

«I know you will, Gwydion,» said Mr. Nancy [5, с. 373].

Гвидон – в валлийском эпосе ведун и волшебник.

Рассмотрим имплицитные формы интертекстуальности, к которым относятся плагиат и аллюзия.

3. Плагиат используется с целью вовлечения читателя в определенную интеллектуальную игру по поиску следов различных произведений в тексте.

Несмотря на то, что плагиат рассматривается как использование чужих мыслей, текстов без указания источника, все же он иногда применяется с целью изменения смысла высказывания, придания ему современного понимания и прочтения.

4. Аллюзия – фигура интертекстуальности, которая требует от читателя большей эрудированности, начитанности, поскольку это намек, который должен понять читающий. Этимологически слово «аллюзия» восходит к латинскому «allusio», образованному от глагола «ludere» – «играть». Таким образом, автор заставляет читателя понять скрытый смысл фразы, порой изложенный метафорически.

Так, имя одного из главных героев – Среда – является воплощением скандинавского бога Одина, мудреца, покровителя королевской власти. Этимологически это имя указывает на поэтическое вдохновение, что находит отражение в речи героя. Не зря именно из уст Среды (Одина) исходят знаменитые изречения древних мудрецов, которые проливают свет на

современные проблемы общества. Другое имя Среды – Вотан, в германо-скандинавской мифологии – верховный бог, «всебог», под предводительством которого происходило укрепление воинских союзов. Неслучайно по сюжету именно Среда является инициатором борьбы между «старыми» богами, изжившими себя с позиции современности, и «новыми» богами.

«... *he'll have to tell at the next meeting of the Oddfellows tomorrow night,...*» [5, с. 210]. Данная фраза является аллюзией на «Независимый орден чудаков» («Independent Order of Odd Fellows») – тайную (масонскую) организацию, основанную в 1819 году.

В романе также есть отсылки к египетскому городу Каиру. Тень Мун (перевод В. Михайлина) по наставлению Среды ищет путь в Кейро – американский город в штате Джорджия. Там он встречает девушку, которая показывает нужную точку на карте штата. Герой, недоумевая, путает название Кейро с Каиром. Таким образом, отсылка к египетскому городу раскрывает детали из истории этого маленького городка в штате Джорджия. Это место называется Малым Египтом, поскольку много лет назад в штате свирепствовал голод, и люди вынуждены были ездить в город за товарами: «*Like in the Bible. Joseph and the Technicolor Dreamcoat. Off we go to Egypt, bad-a-boom*».

Исходя из вышесказанного можно прийти к следующим выводам: в романе Н. Геймана реализуются различные функции интертекста. Одна из них – стремление выстроить коммуникацию, наполнить текст философским содержанием, передать эмоциональное состояние героев, их реакцию на слова собеседника, а также ориентировать текст на определенного адресата – того, кто может понять данную отсылку и дать на нее ответную реакцию. Помимо этого, такие отсылки – это часть философии автора, который воссоздает картину минувших дней в сознании читателя, указывая на современные проблемы и перекидывая тем самым мостик между прошлым и настоящим. Использование отсылок к мифологии, философии, истории позволяет

актуализировать знания читателей, расширяя их кругозор и открывая новые возможности для дальнейшего анализа интертекстуальности.

Таким образом, принимая все вышесказанное во внимание, можно прийти к следующим выводам: интертекстуальность представляет собой «диалог текстов», в котором часть одного текста отсылает читателя к другому тексту, к героям произведения, их личностным характеристикам, к историческим событиям. Рассмотренные фигуры интертекстуальности на примере романа Н. Геймана позволили определить их игровую природу.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. *Ильин И.П.* Постмодернизм. От истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М., 1998.
3. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск. – 1993. – № 4. – С.5.
4. *Худолей Н.В.* Механизмы актуализации интертекстуальных связей в художественном тексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11 (61). – В 3-х частях. – Ч. 2. – С. 199-202.
5. *Gaiman Neil.* American Gods. Great Britain, Headline book publisher, 2004. 640 p.

© Куликова Д.М., 2020

УДК 811.111

К. Ю. Мальшкин

**ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ
КАК ОДНОГО ИЗ АСПЕКТОВ АСИММЕТРИИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере темы «Любовь»)**

**THE IMAGINATION AND IMPACT
OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT AS ONE OF THE ASPECTS
OF THE ASYMMETRY IN THE ENGLISH LANGUAGE
(on the example of the topic «Love»)**

Аннотация. В статье рассматривается образность фразеологической единицы как одного из аспектов асимметрии в английском языке на примере темы «любовь», а также тем «красота» и «ненависть». Автор акцентирует внимание на том, что основным свойством языковой системы является единство противоположных характеристик симметричности / асимметричности.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы с асимметрией в теме «любовь» в английском языке, отобранные методом сплошной выборки в англо-русских фразеологических словарях. В качестве основы исследования взяты образные фразеологические единицы. Описаны источники образности фразеологических единиц, параметры противопоставления.

Abstract. The article examines the imagery and ugliness of a phraseological unit as one of the aspects of asymmetry in the theme «love» in English on the example of the theme «love» in English. The author focuses on the fact that the main property of the language system is the unity of opposite characteristic of symmetry / asymmetry.

Phraseological units with asymmetry in the theme «love» in the English language, selected by the method of continuous sampling in English-Russian phraseological dictionaries, served as the material of the research. As the basis of the study, figurative and ugly phraseological units are considered, the Russian equivalent and the distribution of phraseological units into figurative and ugly units are presented. Sources of figurativeness of phraseological units, parameters of opposition are described.

Ключевые слова: образность, безобразность, ассиметрия, фразеологизм, двуплановость, образ.

Keywords: imagery, ugliness, asymmetry, phraseological unit, two-planarity, image.

В современной лингвистической науке вопрос о соотношении образности и безобразности фразеологизмов связывается с семантической трансформацией свободных сочетаний слов, прямое значение которых понятно носителям языка. Отправной точкой фразеологизма является его образ, мотивированный прямым значением свободного сочетания. При этом знание безобразных сочетаний слов позволяет понять образное, переносное фразеологическое значение [6].

Исходя из этого, образность фразеологических единиц основана на безобразности исходного сочетания, что свидетельствует о наличии той или иной семантической связи между прямым и переносным значениями фразеологического оборота. Прямое и переносное значение фразеологической единицы может быть выражено посредством различных способов, в частности, синонимии, омонимии и полисемии, что позволяет говорить о семантической двуплановости языкового знака. Подобная образность реализуется посредством выражения противоречия между конкретным и переносным значениями языковой единицы, усложненности фразеологизма / фразеологической единицы (далее ФЕ) с точки зрения наличия асимметрии как изменения его структуры и семантики [6].

Г. П. Мельников рассматривал симметричность / асимметричность как целостность противоположных характеристик по отношению к свойствам языковой системы [7].

Согласно И. Г. Осетрову, наличие симметрии / асимметрии свидетельствует об упорядоченности, тождественности, единообразии явлений и предметов объективного мира либо об их нарушении в какой-либо части или системы в целом [8].

Э. М. Береговская считала, что понятие симметрии и асимметрии представляет собой единое целое и свидетельствует о дуализме языкового знака, предполагающего изменение его структуры и значения, исходя из сочетаемости означающего и означаемого [2].

С. О. Карцевский разработал теорию об асимметричном дуализме лингвистического знака, согласно которой языковой знак может развивать асимметричность на основе синонимии, омонимии и полисемии. При этом асимметрию автор рассматривал как приобретение означаемым других функций, означаемым – других способов выражения [3].

Согласно В. Г. Гаку, языковая асимметрия проявляется в различении ядра / периферии и в расхождении между означаемым и означаемым [1]. В синтагматическом плане автор рассматривал асимметрию как выражение одной смысловой единицы путем сочетания двух и более языковых единиц, выражение одной языковой единицей сочетания двух и более смысловых единиц [2]. Асимметрия в семиотическом плане проявляется в десемантизации, упрощении или, напротив, избыточности, развернутости описания смысловой единицы [2].

По мнению А. А. Кретьева, асимметрия плана содержания и плана выражения проявляется на каждом уровне языка.

На морфемном уровне примером асимметрии может выступить омонимия грамматических морфем, например, морфема «-s» как показатель множественного числа существительных и как показатель третьего лица единственного числа глаголов в Present Simple Tense, а также как показатель притяжательного падежа имен существительных.

На лексическом уровне асимметрия проявляется посредством полисемии и омонимии слов, когда понятие представлено в буквальном и переносном значениях (фразеологизмы, неологизмы, заимствования, архаизмы и т. д.).

На синтаксическом уровне асимметрия может быть представлена нейтрализацией положительного или отрицательного значения посредством несоответствия формы и содержания [5].

Таким образом, асимметрия фразеологических единиц представляет собой различие между планом содержания и планом выражения исходной

языковой единицы. Образность является одним из признаков фразеологического значения, при этом образная ФЕ представлена значением, общий смысл которого не является суммой значений составляющих его компонентов.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы с асимметрией в темах «любовь» и «ненависть» в английском языке, отобранные методом сплошной выборки в англо-русских фразеологических словарях.

Целесообразно отметить, что любовь может проявляться как внутреннее чувство / состояние, в котором находится человек, так и посредством внешнего проявления эмоций. При этом любовь как совокупность эмоциональных, душевных и духовных проявлений может быть направлена на себя, другой объект, материальный объект, ценность или какую-либо деятельность.

Рассмотрим основные значения темы «любовь» / «love»:

- 1) сильное инстинктивное чувство привязанности по отношению к кому-либо – bonds of love;
- 2) сильное чувство, основанное на влечении – fall in love;
- 3) чувство удовольствия, пристрастия, испытываемое по отношению к кому-либо – blind love.

Исходя из данных значений, любовь представляет собой сильное и глубокое чувство по отношению к кому-либо (intense love), отражение эмоциональной составляющей, внутренних ощущений в зависимости от ситуации (dead love, to keep love, like a lovesick teenager). Следовательно, образность ФЕ может иметь положительную или отрицательную коннотации в зависимости от ситуации:

- положительная: luck in love;
- отрицательная: doomed love.

Любовь как сильное и глубокое чувство по отношению к кому-либо может проявляться в образных ФЕ по отношению к:

1. внешнему облику (love at first sight); любовь выделяется и как иррациональное чувство – blind love;
2. сохранению любви или факту ее наличия / отсутствия: to keep love, dead love, hopeless love.

Любовь как состояние с отражением эмоциональной составляющей, внутренних ощущений, проявляющееся по-разному в зависимости от ситуации, характеризуется наличием в ассиметричных образных ФЕ следующих образов:

- выделение отдельных характеристик, эмоций: sweet love, happy in love;
- физиологические реакции, связанные с внутренними ощущениями: lovesick heart;
- антропоморфные характеристики: dead love, blind love;
- болезненное состояние: get a little consumed, out of one's minds in love;
- метафорические сравнения: puppy love, calfy love.

На основе анализа фразеологических словарей целесообразно выделить следующие семантические признаки ассиметричных образных ФЕ:

1. Искренность / неискренность, например, искренность и настоящая любовь представлена в следующих ФЕ: tender love, to love with all my heart, puppy love и calfy love. Данные словосочетания могут употребляться как в положительном (young love), так и в отрицательном контексте (увлечение взрослого человека).
2. Интенсивность, к примеру: be a little bit in love, a little stuck on и fall in love, intense love, have a huge crush on, deep love.
3. Степень ценности: luck in love, true-love knot.
4. Степень прочности: intense love, love at first sight, unconditional love.
5. Степень силы чувства: to keep love, fall in love, be crazy about.

6. Мера количества: a little stuck on и have a huge crush on.
7. Степень состояния: happy in love, puppy love, calfy love.
8. Степень соотношения чувство – эмоции, например, передача счастья представлена посредством «happy in love» и «happily in love», соотношение эмоциональных состояний в рамках одной образной ФЕ имеет разное значение в плане содержания и в плане выражения, например, «doomed love», «dead love» переводятся как «безнадежная, мертвая любовь».

9. Степень заботы: keep one's love.

10. Степень проявления чувства может выражаться посредством префиксов, например, «unconditional love» и «uncontrollable love» в значении «неконтролируемая любовь», однако в большинстве случаев less- и - un сигнализируют о противоположном, отрицательном значении.

11. Степень противопоставления довольно часто встречается среди образных ФЕ, к примеру, «любовь» и «ненависть»: «the love-hate relationship» или «love knots», «love chains». Данные понятия взаимосвязаны, ассоциативно и по смыслу обозначают чувства, которые испытывает субъект.

На основе проведенного исследования целесообразно сделать следующие выводы:

1. Асимметрия на различных уровнях языка характеризуется динамичностью, связью с исходным значением языковой единицы.

2. Асимметрия между планом содержания и выражения проявляется на каждом уровне языка: морфемном, лексическом, синтаксическом.

3. Образность является одним из признаков фразеологического значения, при этом образная ФЕ представлена значением, общий смысл которого не является суммой значений составляющих его компонентов.

4. Образность асимметричных ФЕ описывается посредством характеристик интенсивности, степени различных параметров (силы чувства, прочности, ценности, меры количества, степени состояния и т. д.).

Список литературы

1. *Гак В.Г.* Об использовании идеи симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – М.: Просвещение, 1980. – 148 с.
2. *Гак В.Г.* Асимметрия в языке // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Просвещение, 1990. – 315 с.
3. *Карцевский С.И.* Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – 1965. – Часть 2. – С. 85-90.
4. *Косимова Н.Ф.* К исследованию асимметрии лингвистического знака // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education: XXII International Scientific and Practical Conference. – 2016. – № 14 (24). – С. 56-59.
5. *Кретов А.А.* Асимметрия в лингвистике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 5-11.
6. *Кузнецова И.Н.* Лексическая интерференция как проявление асимметрии языкового знака // Филологические науки. – 2010. – № 3. – С. 45-48.
7. *Мельников Г.П.* О типах дуализмов языкового знака // Научные доклады высшей школы. – Серия: Филол. науки. – 1971. – № 5. – С. 54-67.
8. *Осетров И.Г.* Симметрия и асимметрия: онтологический и лингвистический аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 2. – С. 55-59.
9. *Пономаренко И.Н.* Симметрия / асимметрия в лингвистике текста. Диссертация доктора филол. наук. – Краснодар, 2005. – 322 с.

References

1. *Gak V.G.* On the use of the idea of symmetry in linguistics / V.G. Gak // Lexical and grammatical semantics of Romance languages. - M.: Education, 1980. - 148 p.
2. *Gak V.G.* Asymmetry in language / V.G. Gak // Linguistic encyclopedic dictionary / Under. ed. V.N. Yartseva. - M.: Education, 1990. - 315 p.
3. *Kartsevsky S.I.* On the asymmetric dualism of the linguistic sign / S. I. Kartsevsky // History of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts. - 1965. - Part 2. - Pp. 85–90.
4. *Kosimova N.F.* To the study of the asymmetry of the linguistic sign / N.F. Kosimova // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education: XXII International Scientific and Practical Conference. - 2016. - № 14 (24). - Pp. 56-59.
5. *Kretov A.A.* Asymmetry in linguistics / A.A. Kretov // Vestnik VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. - 2010. - No. 2. - Pp. 5-11.
6. *Kuznetsova I.N.* Lexical interference as a manifestation of the asymmetry of the language sign / I.N. Kuznetsova // Philological Sciences. - 2010. - No. 3. - Pp. 45-48.
7. *Melnikov G.P.* On the types of dualisms of the language sign / G.P. Melnikov // Scientific. report higher. shk. - Series: Filol. science. - 1971. - No. 5. - Pp. 54–67.
8. *Osetrov I.G.* Symmetry and asymmetry: ontological and linguistic aspects / I.G. Osetrov // Bulletin of the Moscow State Regional University. - 2009. - No. 2. - Pp. 55 - 59.
9. *Ponomarenko I.N.* Symmetry / asymmetry in text linguistics: dis. ... Dr. philol. Sciences / I. N. Ponomarenko. - Krasnodar: RSL, 2005. - 322 p.

© Малышкин К.Ю., 2020

УДК 81.42

А. А. Медведенко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ ЧЕРЕЗ РЕЧЕВУЮ АГРЕССИЮ

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства манипуляции, выражаемые через речевую агрессию. Материалом исследования послужили предвыборные дебаты от 29 сентября 2020 года кандидатов в президенты Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа и Джо Байдена.

Ключевые слова: речевые манипуляции, речевая агрессия, речевая интенция, негативизмы, коммуникативная стратегия.

В последнее время все большую актуальность приобретают исследования, связанные с понятием «речевая агрессия». В Стилистическом словаре под редакцией М. Н. Кожиной мы находим следующее определение этому лингвистическому явлению: «Речевая агрессия – это форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. Речевая агрессия мотивирована агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата» [1, с. 340]. Г. А. Копнина приводит мнение Ю. В. Щербининой, которая отмечает, что при речевой агрессии имеют место отрицательное коммуникативное намерение говорящего (унизить адресата, выразить негативные чувства, эмоции), несоответствие высказывания характеру общения и образу адресата (фамильярное обращение в официальной обстановке, обращение только к одному собеседнику при групповом общении, обидные намеки в адрес собеседника и т. п.), отрицательные эмоции, то есть реакции адресата на данное высказывание (обида, гнев, раздражение и т. д.), и отражающие их

ответные реплики (обвинение, упрек, отказ, выражение протеста, несогласия, ответное оскорбление) [2, с. 95].

Таким образом, речевая агрессия – это некая альтернатива физической агрессии, менее опасная и разрушительная для физического состояния человека, но весьма чувствительная для состояния эмоционального и психологического, ведь ее целью является высказывание своего пренебрежения собеседнику, выражение неприязни и враждебности, моральное унижение и оскорбление чьего-либо самолюбия и достоинства [1, с. 340]. Речевая агрессия является осознанной и намеренной, это своего рода давление на эмоциональный фон другого человека. Недоброжелательные, злобные нападки на человека, группу людей, партию или организацию нередко используются в манипулятивных целях. И подтверждение этой мысли мы находим в классификации речевых манипуляций С. Г. Кара-Мурзы, а именно что давление на эмоции предполагает один из видов манипуляций, когда манипулятор начинает давить на чувства другого человека, пытается уязвить и оскорбить его, четко осознавая свою цель [3, с. 525].

Репрезентация речевой агрессии в речи осуществляется на лексическом, грамматическом и текстовом уровнях. В нашем исследовании мы ставим задачу показать, как лексико-семантические средства репрезентации выражения агрессии эмоционально воздействуют на собеседников. К средствам речевой агрессии исследователи (О. Н. Быкова, Т. Г. Рабенко, Н. Г. Мартыненко и другие) относят следующие явления [2, с. 97]:

- 1) «навешивание ярлыков»;
- 2) нагнетание отталкивающих сравнений и ассоциаций;
- 3) обыгрывание имени собственного.

Ю. А. Бельчикова разделяет мнение о речевой агрессии как об оскорбительной речи и выделяет инвективную лексику, посредством которой речевая агрессия выражается наиболее ярко. Исследователь подразделяет ее на следующие отдельные группы [2, с. 98 – 99]:

а) номинация лица, занимающегося антиобщественной деятельностью или совершающего поступки, противоречащие общественной, общепринятой морали (например, «вор», «бандит», «двурушник», «мошенник», «шпион» и прочее в таком духе);

б) нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий («бюрократ», «коновал», «мясник»), которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и прочее;

в) слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо, чего-либо: а) слова констатирующей семантики («убить», «украсть», «мучить», «издеваться»); б) слова оценочные в контекстах обвинительного характера, с яркой экспрессивной окраской («двурушничать», «врать», «лихоимствовать»).

В качестве материала данного исследования нами был использован скрипт первых официальных дебатов (29 сентября 2020 года), прошедших между кандидатами в президенты США на выборах 2020 года Джозефом (Джо) Байденом и Дональдом Трампом [4].

Пример 1

Donald Trump: Why won't you answer the question – radical left – well, listen.

Joe Biden: Would you **shut up**, man...this is so **unpresidential**.

Дональд Трамп: Почему ты не отвечаешь на вопрос – радикально левый – ну так послушай.

Джо Байден: **Заткнись** в конце концов. Ведешь себя **не как президент**.

В приведенном отрывке речевая агрессия выражена при помощи лексем «shut up» и «unpresidential». «Shut up» – просторечие, выражающие в грубой форме требование к собеседнику замолчать [5, с. 1653]; «unpresidential» – прилагательное, которое получает в данном контексте яркий оценочно-субъективный негативный характер. Через данные негативизмы Байден

проявляет речевую агрессию, публично осуждая поведение Трампа, которое не соответствует его личному представлению об образе «правильного президента», тем самым манипулируя мнением зрителей.

Пример 2

Joe Biden: The fact is that everything he's saying so far it's simply a lie. I'm not here to call out his lies; **everybody knows** he's a **liar**.

Джо Байден: Правда в том, что все его слова – ложь. Я здесь не для того, чтобы его изобличать. **Все и так знают**, что он **лжец**.

Бывший вице-президент Байден прибегает к приему манипуляции «прикрытие авторитетом»: с помощью неточного, не имеющего статистического подтверждения выражения «everybody knows», он преподносит свое субъективное мнение как точку зрения подавляющего большинства. Слово «liar» имеет ярко-выраженную отрицательную коннотацию, то есть является негативизмом, с помощью которого Байден характеризует личность оппонента [5, с. 1017].

Пример 3

Joe Biden: You're **the worst** president America **has ever had**. Come on.

Джо Байден: Ты **худший** президент за **всю историю** Америки, признай это.

Джо Байден использует прилагательное «the worst» («bad» в превосходной степени), чтобы выразить свое отношение к компетентности действующего президента США. Гипербола «has ever had» является усилительным компонентом. Эта оценочная характеристика создает негативный тон и стилистику с целью манипуляции аудиторией, которую Байден пытается убедить голосовать на выборах не за своего политического оппонента (Трампа), который, по его мнению, крайне некомпетентен, а за себя.

Пример 4

Joe Biden: Well, it's hard to get any word in with this clown. Excuse me, this person.

Джо Байден: Трудно что-либо сказать, пока здесь этот клоун. Прошу прощения, этот человек.

Байден дает характеристику образу и поведению Трампа, используя лексему «clown», которая в прямом значении обозначает профессию циркового артиста, а в переносном характеризует человека, чье поведение является гротескным и не соответствует ситуации [5, с. 330]. Адресант высказывания данным определением транслирует аудитории свой субъективный взгляд на поведение оппонента и тем самым пытается привлечь электорат на свою сторону за счет оскорбления политического противника.

Пример 5

Donald Trump: Tell that to Nancy Pelosi.

Joe Biden: Will he just **shush** for a minute?

Дональд Трамп: Скажи это Нэнси Пелоси.

Джо Байден: Он **замолчит** хоть на минуту?

Джо Байден с помощью негативизма «shush» заостряет внимание аудитории на том факте, что Дональд Трамп имеет тенденцию постоянно перебивать прочих коммуникантов [6, с. 1133]. Манипуляция мнением аудитории осуществляется за счет речевой агрессии в сторону Трампа: Байден, используя эмоциональное и понятное адресату высказывание, хочет подчеркнуть, насколько сложным и неприятным в общении является Трамп, то есть создает его негативный образ.

Пример 6

Donald Trump: I don't know Beau. I know Hunter. Hunter got **thrown out** of the military. He was **thrown out** dishonorably discharged.

Дональд Трамп: Я не знаю Бо. Я знаю Хантера. Хантера вышвырнули из армии. Его вышвырнули с позором.

Трамп пытается воздействовать на аудиторию, агрессивно, в негативном ключе отзываясь о сыне своего оппонента. Он использует причастие «thrown out» (от глагола «to throw out», то есть выкинуть, вышвырнуть), разрушающее нейтральный образ высказывания [6, с. 1208]. Трамп, манипулируя аудиторией, привлекает внимание к тому, что если его оппонент не смог достойно воспитать своего сына, то не сможет и достойно управлять страной.

Пример 7

Donald Trump: Well, you didn't do very well in Swine Flu. H1-N1, you were a **disaster**. Your own Chief of Staff said you were a **disaster**.

Дональд Трамп: Ну, со свиным гриппом вы не справились. В пандемию H1-N1 вы были словно **бедствие**. Ваш собственный Глава аппарата заявил, что вы были ходячим **бедствием**.

Дональд Трамп при обсуждении мер, необходимых для ликвидации эпидемии COVID-19, апеллирует к случившейся несколькими годами ранее эпидемии вируса свиного гриппа H1-N1 и дает негативную характеристику фракции своего политического конкурента (Демократической партии США), используя лексему «disaster», которая переводится как «бедствие» [6, с. 745]. На фоне прошлых неудач партии демократов он стремится выставить деятельность своей администрации и партии республиканцев как закономерную альтернативу.

Пример 8

Joe Biden: He's been totally irresponsible the way in which he has handled the social distancing and people wearing masks, basically encouraged them not to. He's a **fool** on this.

Джо Байден: Он крайне безответственно относится к проблеме социального дистанцирования и отказу от ношения масок другими людьми, к чему он их, собственно говоря, и поощрил. Именно поэтому он **глупец**.

Джо Байден, анализируя меры, предпринятые Трампом для ликвидации эпидемии COVID-19, приходит к выводу, что действующий президент США халатно отнесся к сложившейся ситуации, и использует для его характеристики

лексеми «fool», оценивая интеллектуальные способности оппонента [6, с. 681]. Байден с помощью системы логических выводов, подводит аудиторию к принятию собственной субъективной точки зрения.

Итак, на данных примерах мы проиллюстрировали манипуляцию общественным мнением посредством речевой агрессии. Оскорбление и дискредитация как основные ее средства, с одной стороны, демонстрируют отношение оппонентов друг к другу, а с другой, стороны пытаются вызвать негативные последствия в виде измененного с «плюса» на «минус» общественного мнения. Благодаря контексту речевой ситуации (мероприятие, участники, их намерения и отношения) отрицательные интенции коммуникантов были особенно ярко выражены. Мы проследили несоответствие вербального поведения участников правилам речевого этикета, принятого на официальных дебатах, являющихся одним из видов делового общения. Коммуникативная стратегия, которая реализуется посредством речевой агрессии, не является эффективной формой речевого поведения, ее цель – воздействие на адресата, намеренно причиняющее ущерб его репутации.

Список литературы

1. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. – М.: «Флинта»; «Наука», 2003.
2. *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование: учебное пособие. – 7-е издание, стереотипное. – М.: «Флинта»; «Наука», 2018.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
4. USA TODAY: Latest World and USA News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/elections/2020/09/30/presidential-debate-read-full-transcript-first-debate/3587462001/> (дата обращения: 13.11.2020).
5. *Stevenson A., Pearsall J., Hanks P.* (Eds.). Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2011.
6. *Wheeler M., Unbegaun B., Falla P., Thompson D.* (Eds.). Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press, 2007.

© Медведенко А.А., 2020

УДК 821.111

DOI: 10.46987/1222122020_80

А. В. Новиков

**«ФАМИЛЬЯР» МАРКА Z. ДАНИЛЕВСКОГО
– МЕГАТЕКСТУАЛЬНОЕ ТЕЛЕСОУ**

Научный руководитель:

Можяева Анита Борисовна

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры зарубежной литературы

Литературного института имени А. М. Горького

Аннотация. Поскольку на русском языке практически отсутствуют критические исследования, посвященные многотомному роману Марка Z. Данилевского «The Familiar», а сам роман на русский язык еще не переведен, автор статьи стремится в какой-то степени заполнить этот пробел. Многотомный роман «The Familiar» рассматривается в контексте феномена современных мегатекстов в соответствии с пространственно-временным пониманием данного термина в культурной логике постмодернизма. Дан краткий сравнительный анализ «The Familiar» по отношению к предыдущим романам Марка Z. Данилевского «Дом листьев» и «Only Revolutions». Также затрагивается проблема перевода названия произведения.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при изучении современных авторских техник, применяемых для написания произведений, принадлежащих к мегатекстуальному классу литературы, находящихся в контексте цифровой информационной эпохи и выражающих логику постмодернизма.

Ключевые слова: «Дом листьев», «Только революции», фамильяр, демонология, мегатекст, пространство, время, постмодернизм, телесериал.

В данной статье название многотомного романа Марка Z. Данилевского «The Familiar» (2015 – 2017) переводится в соответствии с традицией средневековых западноевропейских поверий, где фамильяр – «маленькое животное или чертенок, которое содержится в качестве помощника ведьмы, подаренного ей дьяволом или унаследованным ею от другой ведьмы. Фамильяр – демон низкого ранга, принимающий любую форму животного,

например жабы, собаки, насекомого или черной кошки. Также иногда фамильяр трактуется как гротескное фантастическое создание, являющееся симбиотической смесью нескольких существ» [6]. Использование варианта перевода «The Familiar» как «Знакомый», который достаточно распространен в русскоязычной среде, представляется несоответствующим тому смыслу, который, вероятнее всего, Данилевский закладывал в название романа.

В основе канвы первого тома «Фамильяр: Один Дождливый Майский День» находится событие, повествующее о том, как к главной героине романа – двенадцатилетней девочке, проживающей в Лос-Анджелесе и страдающей эпилепсией – по странному стечению обстоятельств попадает кот, принадлежащий сингапурской целительнице Тиан Ли. Последняя, если верить рассказам ее помощника Цзинцзин, – ведьма. А ее кот наделен странными магическими особенностями: «цзинцзин¹ не знает куда он уходит. или как он уходит. у них небольшой балкончик, высоко наверху. случается, по ночам, уютно устроившись в своем гамаке, когда только огни города падают на стены, цзинцзин наблюдает как растет эта тень, медленно пересекая комнату. <...> кот замер, и только тень движется, медленно ползет вперед, постепенно заполняя комнату. <...> цзинцзин, бедный мальчик, сердце остановилось, видя то, что происходит с другими тенями, с тенью гамака, его самого, Сингапура, – тени расступаются перед одной, ползущей по полу, как будто они могут бояться именно этой» [3, с. 102 – 103]. Многие другие персонажи романа, находящиеся в различных точках планеты, также слышат странный знакомый звук, происхождение которого они не могут установить, – они слышат кошачий вой. Иначе говоря, факт «инаковости» кота Тиан Ли налицо, и лишь одно это обстоятельство требует переводить название романа именно как «Фамильяр».

¹ Здесь и далее при переводе по мере необходимости соблюдаются орфография и пунктуация оригинала романа «The Familiar».

«Фамильяр» задумывался наподобие «популярного телешоу» или телесериала, но исполненного в книжном, то есть печатном варианте. Каждый отдельный том, выходящий с периодичностью один раз в полгода – это новая серия или эпизод «Фамильяра», а вышедшие тома с первого («Один Дождливый Майский День») по пятый («Помешенный») как бы завершают первый сезон. Всего планировалось выпустить 27 томов или эпизодов романа, но поскольку читательский спрос не оправдал ожиданий издательства, то публикации последующих эпизодов были поставлены на паузу.

«Фамильяр» относится к тому классу литературы, который в современной филологии принято обозначать термином «мегатекст». Как говорит об этом феномене Бредли Дж. Вест, «мегатексты – это нечитабельно большие, но эстетически и риторически полные объекты, созданные и задуманные как отдельные работы, и их производство подразумевает зависимость от цифровых технологий и использование коллективного авторского творчества» [2, с. 255]. В качестве наиболее показательного примера «мегатекста» можно привести задуманный Ричардом Гроссманом еще в 1990 году и анонсированный в 2007-м роман на три миллиона страниц, который получил название «Breeze Avenue» [5].

Отличительной чертой произведений, которые можно отнести к мегатекстам, является их принципиальная направленность на пространство, на экспоненциальную множественность, на материальную избыточность, на количественную информационную перенасыщенность. При этом нивелируется прямая зависимость повествования от временных характеристик. Выходящая на передний план роль пространства в таких произведениях указывает на превалирующую в них актуальную культурную логику, то есть на постмодернизм. Именно преобладание пространства над временем Фредрик Джеймисон называет одной из основных особенностей постмодернизма: пространство «согласно моему анализу, является одной из

отличительных или даже конститутивных черт новой «культуры» или культурной доминанты» [1, с. 538].

Сравнение «Фамильяра» с другими произведениями Данилевского помогает понять природу пространства и его соотношение с романским временем, роль которого у Данилевского от произведения к произведению последовательно убывает, освобождая дорогу пространственному становлению, в результате которого «Фамильяр» разрастается до мегатекста.

Концептуальные романы Данилевского «Дом листьев» (2000), «Только революции» (2006), «Фамильяр» (2015 – 2017) обладают следующими важными чертами, отличающими их от привычных романских форм, а равно и друг от друга:

1. Каждый из трех романов имеет собственную уникальную пространственно-временную основу и структуру.

2. Каждый роман по-своему проецирует и проектирует индивидуальную эпистемологическую и онтологическую базу, контекст и контент, которые сопротивляются прочтению произведения с точки зрения привычных романских форм.

3. Стилистика и поэтика каждого из трех романов уникальна и вполне самодостаточна. Некоторым формальным исключением является «Фамильяр», в котором частично используются эргодические приемы «Дома листьев».

Однако поэтика «Дом листьев» обладает одной аутентичной особенностью, которой лишены «Только революции» и «Фамильяр»: художественный мир «Дома листьев» разомкнут, то есть он функционирует не только в пределах книги. Художественный мир данного романа всеми силами стремится проникнуть в реальность и убедить читателя в том, что «Дом листьев» точно также причастен к этой реальности, как и сам читатель.

«Только революции» и «Фамильяр» не пользуются такой поэтикой, они именно произведения художественные, и в этом отношении вопрос реального

и нереального остается компетенцией исключительно текста произведения, но не дилеммой, которую предстоит решить читателю. И если в «Доме листьев» художественный мир произведения и симуляция устремляются в мир реальный с целью его захвата, то художественный мир «Фамильяра» создает собственную онтологическую действительность, которая не нуждается в интервенции во внешний мир, поскольку развернута в противоположном направлении – вовнутрь собственного художественного мира.

В безымянной главе (мы условно назовем ее «Нарконы») некие текстуально существующие создания, которые разрывают диегезис и вводят собственное «обнаружение» (ибо присутствующие в тексте до этого момента реплики, принадлежащие Нарконам, анонимны), признают, что все герои «Фамильяра» – это индивидуально спроектированные из некоего множества информационных данных характеры, за каждым из которых стоит свой уникальный Наркон: «Я – повествовательная конструкция (Narrative Construct – A.V.). Сокращенно – Наркон (Narcon)» [3, с. 565].

Примечательно, что Ксантер (главная героиня романа) будто бы может парадоксальным образом видеть Нарконов других людей, что, как утверждают сами Нарконы, невозможно. Данный факт характеризует пространство «Фамильяра» как некое пересекающееся множество плоскостей «художественных действительностей»: Ксантер и Нарконы существуют в разные эпохи – Нарконы, рассказывая читателю историю о Ксантер, говорят о далеком прошлом – но там, где пространство побеждает время, темпоральные границы размываются, и, возможно, именно это и приводит к тому, что Ксантер начинает «видеть» Нарконов.

Изобретая и вводя в текст Нарконов в качестве «Нарративных конструкторов (создателей)», Данилевский наследует одной из главных тенденций «Нового романа» – отказу от всезнающего автора. В «Фамильяре» это понятие – всеведущий автор – подменено, за текстом стоят именно вездесущие Нарконы. Автора больше нет, и именно Нарконы формируют

«бытие» «Фамильяра». Они – это некие информационные подмножества, которые способны конструировать иные, отличные от себя сущности, то есть фигуры, действующие в художественном мире «Фамильяра». Нарконы – как бы самостоятельный интеллект произведения. Более того, рассказывая о своих возможностях и пределах, один из Нарконов обращается к читателю со следующими словами: «Вы, например, являетесь одной из личностей многих человеческих подмножеств в безымянном надмножестве» [3, с. 575]. То есть Вы, читатель, являетесь результатом деятельности некоего неизвестного Наркона. Такое обращение выглядит как попытка разомкнуть художественный мир, но таковой она на самом деле не является. Этот прием Данилевского имеет целью создать дополнительный онтологический или пространственно-временной художественный слой под тем, с которым непосредственно имеет дело читатель, ибо после прочтения главы о Нарконах меняется восприятие всего, что происходит в художественном мире «Фамильяра».

Отныне читатель воспринимает происходящее как некую искусственно созданную действительность. Нарконы – этот условный искусственный интеллект, состоящий из текстов, – всего лишь рассказывают историю, и в этом отношении прав А. Поляринов: перед читателем действительно проносятся весьма кинематографичные сцены, «отснятые на зеленом фоне» [4]. Это именно тот эффект, которого, судя по всему, Данилевский и добивался: бесконечное кинематографическое нарастание пространства, для которого время практически не играет роли. И тот факт, что событие, описываемое первым томом, занимает всего один день, остается неосязаемым для читателя. Пространство романа географически и лингвистически охватывает большую часть земного шара, а внутреннее время растягивается благодаря Нарконам до тысячелетий. Таким способом «Фамильяр» и вступает на территорию постмодернистского мегатекстуального романного пространства.

Список источников и литературы

1. Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма / Перевод с английского Д. Кралечкина под научной ред. А. Олейникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 808 С.
2. Bradley J. *Fest*. Toward a Theory of the Megatext: Speculative Criticism and Richard Grossman's «Breeze Avenue Working Paper» // M. Tavel Clarke and D. Wittenberg (eds.). *Scale in Literature and Culture, Geocriticism and Spatial Literary Studies*. DOI 10.1007/978-3-319-64242-0_10 (2017).
3. Danielewski Mark Z. *The Familiar: Honeysuckle & Pain*. Vol. 3. – New York: Pantheon, 2015.
4. Поляринов А. Марк Z. Данилевский, «The Familiar, Volume 1» // Блог / Журнал об иностранной литературе [Электронный ресурс]: URL: <https://polyarinov.livejournal.com/61647.html> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Grossman. Breeze Avenue [Электронный ресурс]: URL: https://www.richardgrossman.com/breeze_avenue/index.html (дата обращения: 10.11.2020).
6. Familiar // *Encyclopædia Britannica* [Электронный ресурс]: URL: <https://www.britannica.com/topic/familiar> (дата обращения: 10.11.2020).

© Новиков А.В., 2020

УДК 81

А. В. Савельева

**ПЕСНЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ
ИЗУЧЕНИЯ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
(на примере подготовительного факультета)**

Аннотация. В статье рассматривается эффективность использования песенных текстов при обучении русскому языку как иностранному. Предложен авторский метод работы с аутентичной песней при изучении винительного падежа в значении прямого объекта.

Ключевые слова: песня, песенный материал, методика, урок, русский язык как иностранный, винительный падеж.

Эффективность в изучении любого иностранного языка заключается в единстве с культурой народа, являющегося носителем этого языка. Наряду с живописью, литературой и танцем – музыка является неотъемлемой частью культуры и мировоззрения, а песенный жанр – ещё и формой человеческой коммуникации, благодаря наличию вербального текста. Иными словами, песня – носитель культурологической информации [7, с. 159].

О связи музыкального творчества и иностранного языка пишут Г. Блелль и К. Хельвиг, выделяя следующие общие функции:

- 1) эмоциональная (вызывает чувства и эмоции);
- 2) когнитивная (способствует мыслительным процессам);
- 3) физиологическая (способствует запоминанию);
- 4) социальная (взаимодействие в группе);
- 5) бессознательное обучение;
- 6) релаксационная и психологическая;
- 7) коммуникационная [10, с. 179].

Действительно, песня благодаря своему эмоциональному воздействию является тем материалом, который привлекает студенческую аудиторию, а при тщательно отобранном песенном материале, в условиях образовательного процесса, можно проиллюстрировать ту или иную учебную тему: грамматическую, лексическую, фонетическую и другую. При этом, важно отметить, что изначально, песенный текст является частью мелодии; совокупностью текста и мелодии является музыкальное произведение с определенным темпом, ритмом, интонацией и даже голосовым тембром. Поэтому песенный текст, будучи своеобразным лирическим произведением, имеет соответствующий стихотворный размер. А благодаря мелодии и ритмическим характеристикам песни, её повторении – запоминание лексических конструкций становится лёгким и естественным, что идеально подходит для выработки различных устных и письменных компетенций [1, с. 30].

Эти качества песенного текста способствуют как расширению лексического запаса, так и активизации уже знакомой лексики в новом контекстуальном окружении. Также на примере песенного материала можно легко объяснить фразеологические обороты, крылатые выражения, сленг, продемонстрировать их стилистические особенности при употреблении в речи.

В текстах песен находят свое непосредственное отражение и характерные для живой разговорной речи грамматические конструкции. За счёт слуховых и зрительных образов, непринуждённого песенного повторения, грамматические правила превращаются для обучающегося не в рутину механического запоминания таблиц и схем, а в своеобразную игру, при которой усвоение грамматики происходит непринуждённо. Это возможно в силу того, что грамматические конструкции «спрятаны» внутри смыслового содержания, усваиваются и удерживаются в памяти неразрывно с семантикой, а значит, получают эмоциональную окраску и оценку, что оставляет их не

только в оперативной, но и в долговременной памяти. В ходе дальнейшего обучения грамматические клише, усвоенные в качестве примеров из песни, вспоминаются и выступают в роли наглядного материала к теории [4, с. 69].

В зависимости от методической задачи песенный материал может применяться на разных этапах обучения русскому языку как иностранному, при этом предоставляя преподавателю широкий диапазон для творческой деятельности. Мы предлагаем рассмотреть песню как один из аспектов изучения винительного падежа студентами подготовительного факультета. Сразу же отметим, что единственная сложность при подготовке подобного рода урока заключается в подборе аутентичного песенного материала. В поле нашего внимания попала песня «Я выбираю тебя» группы «Моральный кодекс». Как мы видим, текст данной песни изобилует формами винительного падежа в значении прямого объекта (см. Приложение).

В соответствующей методической литературе достаточно подробно изложена методика изучения винительного падежа [3, с. 11]. В настоящее время учебник «Русский язык» Л. В. Московкина и Л. В. Сильвиной является базовым для иностранных студентов подготовительных факультетов большинства петербургских высших заведений. В этом учебнике знакомство с винительным падежом начинается с четвёртого [6, с. 25]. В этом же уроке вводятся формы винительного падежа личных местоимений.

Предложенная песня для изучения винительного падежа соответствует методическим критериям и легко «вписывается» в качестве одного из аспектов урока. В этом случае строгой последовательности при работе с песней нет, поскольку всё зависит от методической задачи и цели. Традиционными формами работы с песней являются прослушивание, чтение текста, перевод, заучивание наизусть [2, с. 207].

Мы предлагаем следующий поэтапный вариант работы с песней при изучении винительного падежа в значении прямого объекта (на примере песни «Я выбираю тебя» группы «Моральный кодекс»).

1. Первый этап (перед прослушиванием песни):

- рассмотреть лексическое значение и спряжение глагола «выбирать»;
- рассмотреть при помощи картинок, в крайнем случае, словаря, лексическое значение слов и словосочетаний «*паспортный стол*», «*неон*», «*воздух*», «*двор*» / «*зимний двор*» / «*зимний московский двор*», «*полдень*» / «*апрельский полдень*», «*рукав*» / «*рукав реки*» / «*рваный рукав реки*», «*напротив*»;
- продолжить грамматические цепочки как со словами, которые уже известны учащимся, так и новыми словами / словосочетаниями из предыдущего задания:

а) *выбираю (что?) ...; выбираешь (что?) ...; выбирает (что?) ...; выбираем (что?) ...; выбираете (что?) ...; выбирают (что?) ...;*

б) *выбираю (кого?) ...; выбираешь (кого?) ...; выбирает (кого?) ...; выбираем (кого?) ...; выбираете (кого?) ...; выбирают (кого?) ...;*

- составить по два предложения на каждую схему:

а) Личное местоимение + выбирать + новое слово / словосочетание;

б) Новое слово/словосочетание + выбирать + личное местоимение;

в) Личное местоимение + выбирать + новое слово / словосочетание.

Новое слово / словосочетание + выбирать + личное местоимение.

2. Второй этап (этап первого и второго прослушивания):

- прослушать внимательно первый раз песню (при прослушивании песни перед глазами учащихся нет текстов);

- проговорить запомнившиеся строчки песни;

- воссоздать текст песни следующим образом:

а) собрать в правильной последовательности слова и предложения в строчке / строчках:

1) *Город, меня, выбираю, Я, город, выбирает.* – _____.

(Я выбираю город. Город выбирает меня)

2) *свой образ жизни, Я, имя и паспортный стол, выбираю.* – _____.

(Я выбираю свой образ жизни, имя и паспортный стол)

3) *Небо, меня, Я, выбирает, выбираю.* – _____.

(Я выбираю небо. Небо выбирает меня)

4) *Я, неон и воздух, выбираю; зимний московский двор.* – _____.

(Я выбираю неон и воздух; зимний московский двор)

б) вставить слова на месте пропусков:

5) _____ *выбираю время.* _____ *выбирает меня.*

(Я выбираю время. Время выбирает меня);

6) *Я _____ апрельский _____, рваный _____ реки.*

(Я выбираю апрельский полдень, рваный рукав реки)

7) *Я _____, мысли выбирают _____.*

(Я выбираю мысли, мысли выбирают меня)

8) _____ *всё то, что выбрал, чего мне ещё хочется.*

(Я выбираю всё то, что выбрал, чего мне ещё хочется)

- прослушать песню второй раз и проверить правильность выполнения грамматического задания на воссоздание текста.

3. На третьем этапе предложить учащимся спеть песню под караоке, включив «минусовку» и раздав оригинальный текст песни.

Мы считаем, что работа над песней не должна заканчиваться после её прослушивания или заучивания, поэтому в качестве **четвёртого (заключительного) этапа** мы предлагаем на выбор следующие творческие задания: «создать на основе фраз, извлечённых из текста, свой диалог; придумать и разыграть сценку» [1, с. 30]; «сочинить новые строфы, видоизменить текст, сочинить продолжение, сравнить содержание песни с жизненным опытом» [5, с. 66]. Любое из этих предложенных заданий можно с лёгкостью обыграть на базе текста песни «Я выбираю тебя», закрепив тем самым необходимые речевые компетенции.

Список литературы

1. *Гебель С.Ф.* Использование песни на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 5. – С. 28-31.
2. *Гудакова Е.В., Зиновьева Т.А.* Роль песни в обучении иностранным языкам // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2014. – № 17. – С. 205-209.
3. *Ковалева А.М.* Обучение предложно-падежной системе РКИ на элементарном уровне. Практикум. Красноярск, 2012. – 58 с.
4. *Кочетова В.А., Данова В.Н.* Работа с музыкальным материалом как способ активизации речевой деятельности на уроке немецкого языка // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1 (1). – С. 67-73.
5. *Лащикова И.И.* Песни на уроке немецкого языка // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 2. – С. 66-70.
6. *Московкин Л.В., Сильвина Л.В.* Русский язык. Учебник. – СПб., 2010. – 528 с.
7. *Плотницкий Ю.Е.* К вопросу о соотношении вербального и мелодического компонентов в текстах англоязычного песенного дискурса // Проблемы преподавания иностранных языков в контексте модернизации образования. – Самара. – 2003. – С. 158-160.
8. *Стрельчук Е.Н.* Песня как одно из средств развития русской речевой культуры иностранных студентов // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Том II. – № 1. – С. 174-175.
9. *Blell G., Hellwig K.* Bildende Kunst und Musik im Fremdsprachenunterricht / G. Blell, K. Hellwig. – Frankfurt am M., 1996. – 385 S.

© Савельева А.В., 2020

УДК 81

DOI: 10.46987/1222122020_93

Г. З. Садыкова

ИЗУЧЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. Международная лексика и терминология успешно усваиваются языковыми системами отдельных народов, образуя общий терминологический фонд в рамках единого информационного пространства, тем самым содействуя межкультурной коммуникации и интеграции.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, единое информационное пространство, интеграция, язык, лингвокультурная картина мира.

Современное международное культурное сотрудничество основано на том, что культура стала активным проводником как национальных, политических, так и транснациональных интересов. Мироззрение и образ жизни человека формируются той культурой, в которой он сложился как личность. Именно национальные культуры, а не природные гены определяют, на каких языках мы говорим, какие праздники отмечаем, как мы выстраиваем наши отношения с другими людьми.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в работе «Язык и культура» дали развернутое определение межкультурной коммуникации, в которой огромную роль играет язык [2]. Действительно, язык – это больше, чем слова, он включает в себя закодированные культурные сообщения, понятные в первую очередь тем, кто находится внутри данной культуры. Без языка люди потеряли бы свою культурную и географическую идентичность.

Клод Леви-Стросс считал, что язык не только продукт культуры, но и её важнейшая составная часть [5]. В наше время важной составной частью культуры становится также интернет-коммуникация [3].

Язык и культуру можно изучать одинаково глубоко, но с той лишь разницей, что изменения в языке могут происходить быстрее, чем изменения в культуре. Особенно быстро эти изменения происходили и происходят в промышленно развитых странах. Большинство традиций, особенностей быта, обычаев и исторических событий, формируя в одной отдельно взятой стране определенные культурные стереотипы, могут быть незнакомы и непонятны членам другого языкового сообщества. Это, несомненно, затрудняет общение. Но в то же время культурные стереотипы, как утверждает В. И. Карасик, представляют большой интерес для исследователей ментальности и культуры [4].

Все исторически сложившиеся культуры формировали и поддерживали на протяжении веков и тысячелетий определенные нормы духовного, морально-нравственного и этического порядка. Передаваемые из поколения в поколение, хранимые исторической традицией, эти нормы подчиняли индивидуальное благополучие общественному, способствовали воспитанию в человеке таких качеств, как храбрость, честность, справедливость, сострадание, готовность прийти на помощь к другим людям. Учитывая, что большинство культур поощряют совместное поведение, становится легко объяснимым человеческое сотрудничество. Если хотя бы часть общества усвоит нормы сотрудничества, с высокой вероятностью можно будет говорить о социальной стабильности и прогрессе в долгосрочной перспективе.

Способность накапливать социально усвоенное поведение на протяжении многих поколений дала людям возможность создавать сложные социальные институты, которые обеспечивали развитие более крупных и сложных обществ. Однако, возникает вопрос – достаточно ли одного только интеллекта, традиций и упомянутых институтов для успешной культурной эволюции? Представляется, что кумулятивные культурные изменения помимо прочего требуют от людей также и особых качеств – психологических, нравственных, духовных. В этой связи в культурологии и смежных с ней

науках особое внимание уделяется построению теоретических моделей, которые могли бы объяснить механизмы культурной трансляции и межкультурного взаимодействия, обеспечивающих поступательное развитие общества. Особое значение в этих моделях принадлежит, несомненно, языку.

Здесь следует сказать, что языки и различные вариации внутри языков (диалекты, наречия и т. д.) могут играть как объединяющую, так и разделяющую роль в жизни социума. Но язык – далеко не единственный подобный фактор. Физические преграды, такие как океаны, высокие горы и широкие реки, также создают препятствия для человеческого общения и культурных контактов, хотя современные технологии в области путешествий и коммуникаций все меньше и меньше учитывают такие географические факторы. Однако, более мощными на протяжении значительной части XX века оказались политические ограничения, вызванные разделением Европы на два противоборствующих военно-политических блока в период Холодной войны. Граница между этими блоками представляла собой гораздо бóльшую культурную преграду, чем любые пограничные посты и географические барьеры. Так, разделение Германии на Западную и Восточную в период с конца Второй Мировой войны до 1990 года вызвало раскол и в области немецкого языкового единства. Примечательно, что различия в словарном запасе и словоупотреблении по обе стороны тогдашней немецкой границы оказались столь заметны, что в ряде случаев они превосходили различия, вызванные отдельными диалектами немецкого языка.

Язык может стать мощным средством государственного и национального сплочения, важным фактором исторической и культурной идентичности. Особая роль принадлежит языку как средству межнационального общения в многонациональных государствах. Таков, например, русский язык как язык, способствующий «взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве» [6]. Другой пример

многонационального государства, где язык, а точнее целая группа языков обеспечивает внутреннее единство и устойчивое развитие страны на протяжении уже нескольких столетий – это Швейцария.

В то же время лингвистическое соперничество и раздоры могут иметь самые разрушительные последствия. Показательны в этом случае языковые беспорядки, происходившие не столь давно в Бельгии между носителями французского и фламандского языков, а также в некоторых частях Индии между индуистской и мусульманской общинами. Язык может стать центром сплочения для национального и этнического меньшинства, которое считает себя преследуемым и ущемленным, подвергающимся дискриминации. Например, именно таким ощущало себя франкоязычное население Канады в середине XX века. Языковой подтекст имело движение за независимость Каталонии, чуть было не закончившееся отделением Каталонии от Испании в 2017 году.

В XIX – начале XX веков ирландский или ирландский гэльский язык стал символом ирландского патриотизма и сопротивления, а ирландский язык был признан первым официальным языком Ирландии после окончательного обретения независимости от Соединенного Королевства в 1949 году. Правительственные документы публикуются на ирландском и английском языках (втором официальном языке страны), а ирландский язык преподается в государственных школах, хотя он по-прежнему находится под значительным давлением со стороны английского языка.

Язык может быть объектом агрессии (нападения или подавления), если власти связывают его с какой-либо мятежной или «неблагонадежной» этнической группой. Так, в истории Соединенных Штатов Америки были периоды, когда детям американских индейцев запрещалось говорить в школе на других языках, кроме английского. Также и ученикам в британских государственных школах в Уэльсе не разрешалось говорить на родном валлийском языке. Оба эти запрета были впоследствии отменены.

После Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 годов говорящим на баскском языке запретили публично использовать свой язык из-за массовой поддержки республиканских войск со стороны басков. Интересно, что в это же самое время по другую сторону франко-испанской границы французским баскам, наоборот, было рекомендовано всячески использовать свой язык, хотя бы для привлечения туристов и, как следствие, для оживления местной экономики.

Сегодня общение молодых людей происходит более активно, чем когда-либо прежде, даже если они живут на разных континентах. Интернет позволяет сегодняшним подросткам создавать общую глобальную культурную самобытность. Что общего между молодым пареньком в Южной Америке и его сверстником в Восточной Европе? Можно предположить, что это использование технологий (компьютерные игры, приложения) и изучение английского языка в школе, а также фильмы, поп-музыка и спорт. В результате возникает глобальная культурная общность, которую можно охарактеризовать тремя категориями – молодежь, Интернет и английский язык.

Приведем пример и с татарским языком. Процесс пополнения словарного состава татарского языка иноязычной и, прежде всего, английской лексикой активизировался с начала 1990-х годов в силу политических и экономических причин. Отличаясь особой интенсивностью, он коснулся практически всех сфер общественной и частной жизни.

Ассимиляция заимствованной лексики в татарском языке имеет фонетический, словообразовательный и лексико-семантический аспекты.

Международная лексика и терминология в английском, русском и татарском языках образует общий терминологический фонд, который способствует улучшению качества изучения языков и вносит значительный вклад в теорию и практику перевода с английского на русский, с русского на татарский языки и обратно.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
3. Горошко Е.И. Интернет-коммуникация: настоящее и будущее. М.: Изд-во МНЭПУ, 2008.
4. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996. С. 3-16.
5. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.; М., 2002.
6. Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ (редакция от 5 мая 2014 года) «О государственном языке Российской Федерации».

© Садыкова Г.З., 2020

УДК 81

DOI: 10.46987/1222122020_99

М. Ю. Тарабрина

ИНАУГУРАЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Научный руководитель:

Коцюбинская Любовь Вячеславовна

Кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета иностранных языков
ЛГУ имени А.С. Пушкина, заведующая
кафедрой перевода и переводоведения

Аннотация. В статье рассматриваются тексты инаугурационных выступлений британских премьер-министров с точки зрения их речевого воздействия. В результате лингвистического анализа удалось выявить тактики и стратегии политической коммуникации, которые использовали премьер-министры Соединенного Королевства для оказания манипулятивного воздействия на аудиторию.

Цель исследования – выявить средства и методы речевого воздействия на аудиторию, применяемые в инаугурационных выступлениях.

Методы исследования: контекстуальный анализ, метод лингвистического наблюдения, описание, анализ текстовых категорий.

Материалами для исследования послужили тексты инаугурационных речей премьер-министров Великобритании Маргарет Тэтчер, Терезы Мэй и Бориса Джонсона.

Речевое воздействие на аудиторию осуществляется посредством специальных стратегий и тактик политической коммуникации. В инаугурационной речи каждого премьер-министра доминирует одна определенная стратегия. В частности, это стратегия на повышение у Маргарет Тэтчер и стратегия театральности у Терезы Мэй и Бориса Джонсона. Исследование показало, что на выбор стратегии, в первую очередь, влияют политические цели оратора, а также такие факторы, как личность политика, состав аудитории и общая экономическая и политическая ситуация в стране в данный период времени.

Ключевые слова: инаугурация, речевое воздействие, политический текст, премьер-министр, политическая коммуникация, Великобритания, английский язык.

Политическая коммуникация выступает как особый вид политических отношений, посредством которой доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени. Политическая коммуникация имеет свой собственный, особый язык – так называемый язык власти или политический дискурс. Изучение политического дискурса считается актуальным, поскольку отражает приемы и способы общения политиков друг с другом и с широкой аудиторией [3, с. 98].

Центральным объектом анализа является публичное выступление политического деятеля, и это не просто грамотно составленная и правильно произнесенная речь. Поскольку выступления политического лидера нацелены на формирование внимания общества к социально-политическим проблемам, ценностям и идеалам, с их помощью конструируются межнациональные отношения, создаются или разрешаются политические конфликты, то при их составлении политику необходимо пускать в ход арсенал риторических средств, позволяющих создать яркий и запоминающийся текст, который позволит произвести желаемый эффект и убедить аудиторию в правоте своих взглядов. В политической сфере манипуляция путем речевого воздействия осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операциях над знаниями адресата, над его ценностными категориями, эмоциями и волей [2, с. 5].

В проведенном исследовании объектом анализа стали инаугурационные речи трех британских премьер-министров – Маргарет Тэтчер, Терезы Мэй и вступившего в должность в 2019 году действующего премьер-министра Бориса Джонсона. Политические лидеры были в данной должности в разные исторические периоды и в разных политических условиях.

Маргарет Тэтчер была одним из самых харизматичных и противоречивых партийных лидеров и премьер-министров в британской политической истории. Кроме того, она является ярким представителем

искусства красноречия. Именно поэтому было решено уделить особое внимание этому политику в нашем исследовании.

В соответствии с проведенным исследованием было выявлено, что чаще всего в своём инаугурационном выступлении Маргарет Тэтчер использовала **стратегию на повышение**, что является довольно ожидаемым результатом для инаугурационного выступления. Примером может послужить тактика неявной самопрезентации: «We really did fight a most successful campaign» (глагол «бороться» также олицетворяет усердие, но здесь уже в значении борьбы за победу партии. Этим выражением Тэтчер вербально объединяет себя и членов партии, выражению благодарности которым посвящена внушительная часть текста выступления). Бывший премьер-министр, конечно, старается показать себя в наиболее выгодном свете, но делает это с присущей её стилю речи строгостью и хладнокровием. Первое публичное обращение Маргарет Тэтчер было адресовано представителям консервативной партии в Шотландии. Этот факт сильно повлиял на подтемы и выразительные средства, использованные в речи. Например, использование тактики презентации: «We have had a splendid result throughout the country», где премьер-министр с гордостью демонстрирует результаты политической кампании. Прилагательное «splendid», выражающее одновременно и гордость за проделанную работу, и радость победы, подчеркивает, что премьер-министр обращается именно к коллегам. При обращении к народу такая явная радость победы была бы не уместна. Тэтчер, как вновь избранный премьер, говорит с представителями партии откровенно, указывая на ошибки.

Поэтому в выступлении можно встретить нехарактерную для данного жанра **стратегию на понижение**, которая реализована тактиками безличного обвинения и обличения, выраженными в таких ярких выразительных средствах, как идиоматические выражения и метафоры. Тактика безличного обвинения, например, представлена в следующей фразе: «We've been promised the Earth – but State Socialism has failed us», где идиома «promised the Earth»

раскрывает смысл фразы своим значением «нам сулили золотые горы / давали пустые обещания». И тактика обличения: «Well, the truth is that the State hasn't delivered the goods», где метафора «hasn't delivered the goods» подчеркивает, что государство не оправдало ожиданий народа. Также это указывает на личностные качества премьера – строгость, честность, открытость.

Стратегия театральности использована Тэтчер в наименьшей степени, что указывает на её исключительную прагматичность и подчеркивает народный образ «железной леди». Стратегия реализована с помощью таких тактик, как тактика размежевания: «Only the people who live in it can do that – by producing and delivering the right products at the right price, at the right time», яркость которой придает фразеологизм «at the right price, at the right time», подчеркивающий удачные действия. Размежевание здесь заключается в том, что премьер указывает на то, что реальные потребности населения того или иного места, региона могут понять только те, кто также являются их жителями, в наибольшей степени, чем кто-либо другой.

В речи затронуты все подтемы, присущие инаугурационной речи: осуществляется перечисление планов на предстоящее премьерство, затрагиваются такие подтемы, как экономическая ситуация, безработица, международные отношения, образование, торговля, а также оглашается план решения существующих проблем в стране в зависимости от их степени важности. В своём инаугурационном выступлении Тэтчер показала себя, как деятельный лидер, способный взять ситуацию в свои руки и изменить положение дел к лучшему. Такая позиция способна оказать самое сильное воздействие на любую аудиторию, особенно, в критический для государства период.

Первый настоящий успех в политике Терезу Мэй ждал в 1997 году – она вошла в Палату общин Великобритании. Долгое время Мэй строила карьеру в Консервативной партии, оставаясь в тени. Вскоре она стала спикером по делам женщин, школ и инвалидов. В политической биографии Терезы Мэй

инаугурационная речь сыграла решающую роль. Именно в ней она показала себя как защитница прав различных категорий граждан. В её выступлении прозвучали пункты, касающиеся не только равноправия женщин, но и в целом всей программы ее премьерства как программы, нацеленной на установление социальной справедливости, на отстаивание интересов трудящихся. Стоит отметить, что всех, кто сомневался в кандидатуре Мэй, это склонило на её сторону. Так за Терезой Мэй закрепились репутация давнего и последовательного борца за равноправие и яркого критика партии Тори, как «скверной партии, демонизирующей меньшинства, женщин и выступающей против европейской интеграции» [4, с. 157].

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что основной стратегией своего инаугурационного выступления Тереза Мэй сделала **стратегию театральности**. Стратегия часто реализовывалась тактикой кооперации: «That will be the mission of the government I lead, and together we will build a better Britain» (новый премьер-министр в данном случае объединяет себя, правящую партию и аудиторию, что раскрывается за счёт метафоры «we will build a better Britain») и тактикой обещания: «...we will forge a bold new positive role for ourselves in the world», что также усилено метафорическим выражением «a bold new», означающим, что новый премьер министр будет принимать совершенно новые и смелые шаги в своей политической деятельности. Результат исследования довольно необычен для нас тем, что стратегия театральности не настолько распространена для публичных выступлений в целом и встречается чаще для каких-либо особых ситуаций. Однако, это очень ярко характеризует темперамент Терезы Мэй и её взгляды убеждённой правозащитницы. Это объясняется тем, что всё выступление премьер-министра было направлено на то, чтобы вызвать у своей аудитории чувство единства с ее лидером, а также чувство полного доверия. В отличие от Маргарет Тэтчер Тереза Мэй выступала в классическом формате инаугурационной речи, обращаясь к народу и к прессе. Очевидно, что Т. Мэй

в своем выступлении стремилась зарекомендовать себя в качестве «народного премьер-министра», стремящегося «услышать» голос граждан своей страны. Этим можно объяснить использование тактики побуждения: «If you're one of those families, if you're just managing, I want to address you directly». Использование личного местоимения «you» в качестве обращения рассчитано на то, чтобы вызвать в первую очередь чувство доверия.

Стратегия на повышение была использована в меньшей степени, она реализовалась в тактике анализ-плюс: «In David Cameron, I follow in the footsteps of a great, modern Prime Minister», выраженной фразеологической единицей «*follow in the footsteps*», которую можно перевести, как «идти по стопам», чем оратор демонстрирует свое уважение к экс-премьеру Дэвиду Кэмерону и подчеркивает его достижения. Наличие этой стратегии указывает на то, что были затронуты все темы, присущие инаугурационной речи, но на общем фоне темы защиты прав человека.

Стратегия на понижение практически не была использована премьер-министром, что можно объяснить тем, что на категории граждан, к которым она обращается, это может оказать негативное влияние и плохо сказаться на будущей карьере политика. Мэй как никто другой продумала своё инаугурационное выступление и сделала его понятным для различных социальных групп и представителей любой национальности. Можно сказать, что каждым своим высказыванием она обращается к представителям так называемого «рабочего класса». Народ с легкостью будет следовать идеям лидера, который знает по себе, в чем заключаются их повседневные проблемы и лично, искренне, стремится их решить [1, с. 124].

Личность Бориса Джонсона является, несомненно, интересной для лингвистического исследования ещё и по той причине, что свою карьеру политик начал с журналистской деятельности. Занимая должность корреспондента в таких известных британских изданиях, как «The Times» и «The Daily Telegraph», а позже и редактора общественно-политического и

сатирического журнала «The Spectator», Джонсону уже удалось овладеть искусством слова и привлечь внимание широкой аудитории.

Анализируя текст инаугурационной речи Б. Джонсона, нельзя не отметить, что автор причастен к журналистике и писательской деятельности. Это сильно сказалось на строении текста, текстовых категориях и общей стилистике. На фоне политической карьеры Джонсон продолжал свое хобби, опубликовав сборник эссе и один роман. Действующий премьер обладает ярко выраженной харизмой и за свою карьеру успел сформировать определённую репутацию и образ в средствах массовой информации. Он выделился своей эксцентричностью и резкими высказываниями, а кроме того, нестандартным поведением. Благодаря этим качествам, он стал появляться во многих известных британских телевизионных шоу и стал фаворитом публики. Некоторые интернет-издания даже использовали пейоративную лексику (fool, clown, idiot, buffon и прочее), с помощью которой высмеивали его внешность, манеру речи, поведение и когнитивные особенности. Однако, даже это не помешало его будущему политическому росту. Это подтверждает и то, что в тексте его речи преобладает **стратегия театральности**. Большой процент примеров выражения стратегии относится к тактике обещания: «My job is to make your streets safer...», «My job is to make sure you don't have to wait 3 weeks to see your GP», в данном случае тактика выделяется посредством многочисленных повторений значимой фразы «my job is». Таким образом Джонсон выбрал свою манеру общения с народом, с рабочим классом, нуждающимся в ответах на животрепещущие социальные вопросы. Его позиция – показать, что каждый их вопрос и каждая проблема – это его работа, с которой он обязан справиться. Благодаря журналистским навыкам, политик знает, как вербально привлечь аудиторию. Стилистические и синтаксические приемы, представленные в виде различных повторов и параллельных конструкций, позволили сделать речь более убедительной, напористой и зажигательной [10, с. 100].

На втором месте стоит **стратегия на повышение**, выраженная такими тактиками, как тактика неявной самопрезентации: «The doubters, the doomsters, the gloomsters – they are going to get it wrong again». Она ярко выделяется в речи благодаря параллельной конструкции «The doubters, the doomsters, the gloomsters», что обеспечивает концентрацию внимания аудитории на словах оратора.

Стратегия на понижение тоже выражается только одним незначительным примером, тактикой безличного обвинения: «...that this country has become a prisoner to the old arguments of 2016 and that in this home of democracy we are incapable of honouring a basic democratic mandate», тактика выражена метафорой «prisoner to the old arguments» («пленник устаревших аргументов»). В данном случае премьер имеет в виду ту часть аудитории, которая, с наибольшей вероятностью, голосовала иначе.

Наличие всего одного примера, касающегося стратегии на понижение, можно объяснить тем, что общий мотив речи Джонсона – позитивный. Премьер-министр на тот момент не знал, что столкнется с сильнейшим испытанием для страны и мира – пандемией новой коронавирусной инфекции, в результате чего станет обращаться к публике с применением уже совершенно других стратегий.

Список литературы

1. *Adegbite A.* Language Dynamism: A Cross-Cultural Analysis of Political Discourse. 2019.
2. *Акопова Д.Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №. 6-1.
3. *Генералова С.Н.* Понятие «Политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – С. 97–100.
4. *Капитонова Н.К.* Тереза Мэй: вторая после Тэтчер // Новая и новейшая история. – 2017. – № 2. – С. 152-165.
5. *Карасик В.* Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – №. 1.
6. *Михалева О.Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Диссертация. – Кемерово: Кемеровский гос. университет, 2004.
7. *Шевченко О.П.* Лингводискурсивные особенности публичных выступлений (на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX – XXI веков). Автореферат диссертации канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 23 с.
8. *Шейгал Е.И.* Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. – Саратов, 2002. – С. 205-2014.
9. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 282 с.
10. *Шиханцов А.С.* К вопросу о прагмафонетическом изучении особенностей ритма публичной речи (в современном состоянии британского варианта английского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №. 2.

© Тарабрина М.Ю., 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешкина Юлия Владимировна – студентка кафедры китайского языка, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия.

Алиева Наида Расимовна – студентка, Тольяттинский государственный университет, Самарская область, г. Тольятти, Россия.

Емельянов Игорь Степанович – кандидат филологических наук, доцент, Филологический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, Россия.

Ермохина Юлия Вячеславовна – магистрант, Арзамасский филиал, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, преподаватель английского языка ГБПОУ «Арзамасский коммерческо-технический техникум», Нижегородская область, г. Арзамас, Россия.

Кириллов Филипп Павлович – студент IV курса, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург, Россия.

Кондратова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия.

Куликова Дарья Михайловна – ассистент кафедры иностранных языков, ГОУ ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», Московская область, г. Коломна, Россия.

Латария Татьяна – студентка кафедры китайского языка, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия.

Малышкин Константин Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Факультет иностранных языков ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, Россия.

Медведенко Анастасия Анатольевна – студентка III курса Факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского», г. Омск, Россия.

Новиков Артур Викторович (Республика Беларусь, г. Минск) – аспирант кафедры зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва, Россия.

Савельева Алена Владимировна – преподаватель кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия.

Садыкова Гузель Зуфаровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии, Университет управления «ТИСБИ», Республика Татарстан, г. Казань, Россия.

Тарабрина Мария Юрьевна – студентка III курса магистратуры, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

к статье А. В. Савельевой
«ПЕСНЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ
ИЗУЧЕНИЯ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
(на примере подготовительного факультета)»

Я ВЫБИРАЮ ТЕБЯ

Музыка: Сергей Мазаев
Слова: П. Жагун-Линник

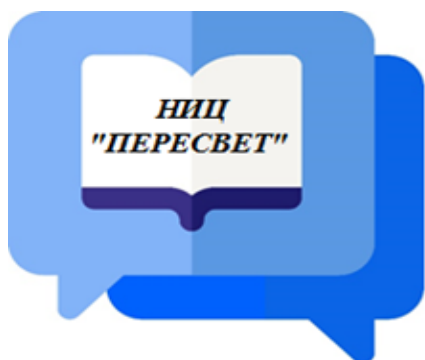
Я выбираю город. Город выбирает меня.
Я выбираю свой образ жизни, имя и паспортный стол.
Я выбираю небо. Небо выбирает меня.
Я выбираю неон и воздух; зимний московский двор.

Я выбираю время. Время выбирает меня.
Я выбираю апрельский полдень, рваный рукав реки.

Я выбираю мысли, мысли выбирают меня.
Я выбираю всё то, что выбрал, чего мне ещё хотеть.

Прпев:

Я выбираю тебя. Я выбираю тебя.
Мне глаза твои напротив говорят, что ты не против.
Ты выбираешь меня, ты выбираешь меня.
Ты опять со мной играешь: выбираешь, выбираешь.

**Ассоциация содействия изучению
и популяризации истории и
социально-гуманитарных наук
"Научно-исследовательский центр
"ПЕРЕСВЕТ"**

НАШИ ЦЕЛИ:

- Содействие изучению отечественной и мировой истории
- Научная деятельность в области истории и других социально-гуманитарных наук
- Продвижение и распространение научных знаний и открытий
- Популяризация результатов научных исследований в области истории и других социально-гуманитарных наук

ДЛЯ ЭТИХ ЦЕЛЕЙ АССОЦИАЦИЯ:

- Проводит всероссийские и международные конференции
- Издает научные сборники
- Организует всероссийские научные конкурсы для студентов и преподавателей

Издания Ассоциации размещаются в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Также научным статьям и изданиям может быть присвоен международный индекс DOI.

***Мы – молодая научная организация,
давайте двигаться вместе в научном поиске!***

Подробности – на сайте Ассоциации:

peresvet-centr.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

Актуальность. Статья должна быть выполнена на актуальную тему и содержать результаты самостоятельного исследования, а также не должна быть опубликована ранее.

Ответственность. За содержание и оформление материалов, предоставляемых в оргкомитет и редакцию, юридическую и иную ответственность несут авторы.

Оригинальность статьи по системе «Антиплагиат» (<http://www.antiplagiat.ru>) должна быть **не менее 78 %**

Требования к оформлению

- Формат страницы: А4 (210x297 мм),
- Поля (верхнее, нижнее, левое, правое) - 20 мм;
- Шрифт: кегль - 14, тип: Times New Roman
- Межстрочный интервал – полуторный.
- Нумерация страниц не ведется

Очередность изложения материала в статье

1. УДК (универсальная десятичная классификация). УДК можно найти на сайте: <http://teacode.com/online/udc/>

2. Имя, отчество и фамилия автора.
3. Ученая степень, звание и должность, место работы/ учебы и город.
4. Заглавными полужирными буквами название работы по центру.
5. Аннотация (не более 500 символов).
6. Ключевые слова (5-7 слов).
7. Текст статьи.
8. Список использованной литературы.
9. Знак копирайта (©), с указанием автора и года (2020).

Аннотация – краткое содержание статьи, включающее актуальность, цель, методы исследования и итоговый результат.

Ключевые слова – это слова, которые максимально точно характеризуют предмет и область исследования.

Литература оформляется в конце статьи под названием «Список литературы». Ссылки на литературу и источники, использованные в тексте, даются в квадратных скобках после упоминания материала источника или цитирования согласно номеру, под которым источник приведен в списке использованной литературы, например, [6] или [2; 3; 4]. Библиографическое описание использованных источников дается в соответствии с ГОСТ 7.0.5.-2008. В случае цитирования после номера источника через запятую ставится номер страницы, с которой взят цитируемый материал, например: [5, с. 48] или [5; 6, с. 21]. При ссылке на интернет-ресурсы необходимо указать название статьи, название сайта, электронный адрес ресурса и дату обращения к нему.

Формулы выполняются в редакторе MS Equation или MathType (не во встроенном редакторе Word 2007-2012). Простые формулы, символы и обозначения набираются без использования редактора формул. Порядковый номер ставится справа от формулы.

Сокращения величин и мер допускаются только в соответствии с Международной системой единиц.

Таблицы и рисунки встраиваются в текст статьи, без обтекания текстом. Рисунки должны быть формата jpg, gif, bmp. Рисунки, выполненные в MS Word, не принимаются. Рисунки должны быть вставлены в текст, быть четкими, черно-белыми или цветными. Название и номера рисунков указываются под рисунками, названия и номера таблиц – над таблицами. Рисунки, таблицы, схемы не должны выходить за пределы указанных полей. Размер шрифта в таблицах и на рисунках – 12. В тексте должна быть ссылка на рисунок или таблицу.

Редактура. После поступления в редакцию статья последовательно проходит техническое, научное и литературное редактирование.

Количество авторов – не более трех.

Объем статьи – от 5 до 20 страниц формата А4.

Научное издание

СЛОВО И ТЕКСТ

Вопросы филологии, лингвистики и литературы

Сборник научных статей

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства несут авторы публикуемых материалов.

Подписано в печать 24.12.2020. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Объем 7,4 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 60

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Фора-принт»
Россия, Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр., д. 4